

Александр
Афродисийский

Логика Аристотеля

Том 7.
*Комментарии
к «Топике»
Аристотеля
(продолжение)*

Александр Афродисийский

Логика Аристотеля. Том 7.
Комментарии к «Топике»
Аристотеля (продолжение)

«Издательские решения»

Александр Афродисийский

Логика Аристотеля. Том 7. Комментарии к «Топике» Аристотеля (продолжение) / Александр Афродисийский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-672116-6

Труд Александра Афродисийского остается одним из ключевых античных толкований «Топики», сочетая глубину анализа с ясностью изложения. Его комментарии особенно ценны для понимания аристотелевской логики и диалектики.

ISBN 978-5-00-672116-6

© Александр Афродисийский
© Издательские решения

Содержание

Александр Афродисийский. Комментарии на восемь книг «Топика» Аристотеля (продолжение)	6
К четвертой книге «Топики» Аристотеля	7
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Логика Аристотеля Том 7. Комментарии к «Топике» Аристотеля (продолжение)

Александр Афродисийский

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Александр Афродисийский, 2025

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2025

ISBN 978-5-0067-2116-6 (т. 7)

ISBN 978-5-0064-6688-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Афродисийский. Комментарии на восемь книг «Топика» Аристотеля (продолжение)

*Александр Афродисийский, известный перипатетик II—III вв. н. э., в своих комментариях на *«Топику»* Аристотеля (книги 4—8) детально разбирает логические методы построения диалектических рассуждений, фокусируясь на аргументации, опирающейся на общепринятые мнения (ἔνδοξα).*

— Книга 4 посвящена анализу родов и видов в диалектических спорах, а также правилам корректного определения понятий. Александр подчеркивает важность точности в формулировках и исследует аристотелевские критерии различия категорий.

— Книга 5 рассматривает стратегии работы с акциденциями (случайными свойствами) и их роль в построении аргументов. Особое внимание уделяется ошибкам, возникающим при смешении существенных и несущественных признаков.

— Книга 6 исследует методы выявления тождества и различия, а также правила сравнения понятий через родовидовые отношения. Комментатор разбирает аристотелевские примеры, иллюстрирующие логические уловки в дискуссиях.

— Книга 7 фокусируется на практической диалектике: анализируются способы построения вопросов, стратегии опровержения и защиты тезисов. Александр дополняет Аристотеля разъяснениями о роли умозаключений (силлогизмов) в споре.

— Книга 8 подводит итог, систематизируя правила ведения диалектических диспутов. Здесь обсуждаются этические аспекты спора, важность последовательности и честности в аргументации, а также типичные софистические уловки.

В квадратных скобках [] добавлены необходимые для ясности слова. В тексте встречается лакуна (* * * *), которую невозможно восстановить без дополнительных данных. Также некоторые фразы могут иметь вариации в интерпретации из-за сложности греческого оригинала.)*

К четвертой книге «Топики» Аристотеля

После того как во второй и третьей книгах «Топики» были изложены топы, с помощью которых можно строить конструктивные и деструктивные аргументы относительно проблем, возникающих из акциденций – будь то просто вопрос о том, присущ ли акцидент субъекту или нет, или же сравнительный вопрос относительно другого (поскольку сравнительные проблемы также подводятся под акцидентальные), – далее речь пойдет о других родах проблем. А именно: о проблемах, возникающих из рода, из собственного свойства и из определения. Ведь все диалектические проблемы относятся к этим родам.

Вопрос «почему нечто есть так-то», например, «почему мир имеет сферическую форму» или «почему луна затмевается», является исследованием и проблемой, но не диалектической, ибо исследование причины относится скорее к научному знанию. Точно так же и вопрос «что есть это?», например, «что есть душа?», не является диалектическим. Исследовать, является ли данное определение определением души, – это диалектический вопрос. Но вопрос «какова природа или сущность воды, способной предсказывать будущее?», не диалектичен. Да и сами такие вопросы не являются диалектическими, ведь диалектический вопрос предполагает противоречие, а вопросы «что это?» или «почему это так?» не содержат ни противоречия, ни вообще утвердительного суждения.

Далее излагаются соответствующие топы для построения и опровержения аргументов в проблемах, относящихся к этим родам. Сначала рассматриваются топы для родовых проблем, поскольку после акциденции род является наиболее общим среди остальных. Акциденция – это самый простой и универсальный вид проблем, ибо её существование заключается лишь в принадлежности (чему-то). Род же, собственное свойство и определение относятся к качественной принадлежности. Для того чтобы нечто существовало как род, собственное свойство или определение, недостаточно простой принадлежности, как в случае акциденции, но необходимо также показать особый способ принадлежности каждого из них. Ведь то, что так называется, имеет определенное соответствие с подлежащим.

Род является более общим, так как он применим к большему числу вещей. Собственное свойство и определение не относятся ко многим и различным по виду вещам, но привязаны к одной конкретной природе. Поэтому, поскольку общее предшествует частному, а род более общ, чем собственные свойства, логично сначала изложить топы для родовых проблем.

К родовым проблемам он также относит и проблемы, возникающие из различий, как уже говорилось в первой книге, поскольку различие, будучи частью сущности вещи, подобно роду, является общим и применимым ко многому. К родовым проблемам можно отнести и проблемы, возникающие из видов (если таковые имеются), так как вид также применим ко многому и относится к сути бытия.

р. 120b12 После этого следует рассмотреть топы, относящиеся к роду и собственному свойству.

После топов, касающихся акциденции, говорит он, следует рассмотреть топы, относящиеся к роду и собственному свойству. И добавляет, почему сначала рассматриваются они, а затем уже топы, относящиеся к определению: «А эти [род и собственное свойство] являются элементами для определений». Ведь топы, с помощью которых мы строим или опровергаем аргументы относительно рода и собственного свойства, служат также элементами и началами для аргументов, касающихся определений. Поскольку определение должно включать не только род, но и собственное свойство вещи, конструктивные топы для родов и собственных свойств способствуют и построению определений. Тот, кто доказывает, что данное в определении есть род и что само определение есть собственное свойство вещи, тем самым доказывает, что данный *logos* (формулировка) является определением.

Но и деструктивные топы, относящиеся к родам и собственным свойствам, полезны для опровержения определений. Тот, кто показывает, что данное в определении как род на самом деле не является родом, тем самым разрушает и сам статус определения. Точно так же, если доказываем, что нечто не является собственным свойством.

Таким образом, топы, относящиеся к роду и собственному свойству, применимы и к проблемам, связанным с определениями, и являются началами как для построения, так и для опровержения определений. Поскольку род и собственное свойство суть элементы определений (ведь определение должно включать их), эти топы справедливо называются элементами топов, относящихся к определениям. А поскольку элементы первичны по отношению к тому, элементами чего они являются, то и топы, относящиеся к ним, должны быть первичными. Среди них же первыми являются топы, относящиеся к родам, так как род более общ, чем собственное свойство, как уже говорилось.

Он также отмечает, что диалектики редко рассуждают о проблемах, связанных с родом, собственным свойством и определением, поскольку большинство диалектических проблем касаются акциденций. Например, в большинстве диалектических проблем исследуются вопросы вроде: «Следует ли вступать в брак или заниматься политикой?», «Является ли богатство или здоровье благом?» Проблемы же, связанные с родами, собственными свойствами и определениями, требуют более точного и научного подхода, чем тот, что свойствен диалектике.

р. 120b15 Если предположено, что нечто является родом для какой-либо сущности.

Первый из предлагаемых топов, относящихся к роду, таков: поскольку род сказывается одинаково обо всех однородных [видах], он говорит, что, когда нечто приписывается чему-то как род, следует обращать внимание на все родственные [виды], то есть те, что имеют ту же природу и подведены под тот же род, как мы делали и в случае с привходящим. Ведь и в вопросах, исходящих из привходящего, он требовал обращать внимание на все сущности той же природы. Но там для построения вопроса было достаточно найти хотя бы у одного из них наличие того, что полагается как привходящее, если только вопрос не был общим [и опровергать вновь, если оно ни у кого не присутствовало]. В случае же с родом, если приписанный род не принадлежит всем однородным [видам] рассматриваемого [предмета], невозможно, чтобы он был родом, даже если он принадлежит ему.

Так можно показать, что благо не есть род удовольствия, поскольку оно не принадлежит всякому [удовольствию]: ведь удовольствия невоздержанных не являются благами. Таким же образом и Платон в «Филебе» предпринял [доказательство], взяв [примеры]: «и невоздержанный испытывает удовольствие, и благоразумный испытывает удовольствие, и безумец, полный неразумных мнений и надежд». К ним он добавил, что справедливо покажется неразумным тот, кто сводит столь различные [вещи], сами по себе неоднородные, в один род – благо.

Таким же образом можно показать, что знание не есть род добродетели: ведь знание относится к необходимым, вечным и не допускающим иного состояния [вещам], тогда как из добродетелей мудрость такова, а рассудительность и так называемые нравственные добродетели складываются относительно того, что допускает иное состояние.

Этот топ полезен для опровержения: ведь если [приписанное] принадлежит всем однородным [видам], то необходимо, чтобы оно было родом. Помимо этого, оно должно также сказываться в сущности [предмета].

р. 120b21 Далее, если [приписанное] не сказывается в сущности.

Как в случае с привходящим он говорил, что нужно проверять, «не приписано ли как привходящее то, что принадлежит иным образом» (ибо тот, кто говорит, что цвет привходит белому или что белое окрашено, приписывал неверно, поскольку называл привходящим то, что принадлежит как род), так и в случае с родом он говорит, что нужно исследовать, не при-

писано ли привходящее как род. Ведь нечто может принадлежать всем однородным [видам], но не как род, а как привходящее.

Свойством рода, как и вида, является сказываться в сущности [предмета]. Если же приписанное не сказывается таким образом, можно показать, что оно не есть род.

Так можно доказать, что ни белизна не есть род снега, ни движение или самодвижение – души, как полагает Платон. Ведь белизна не входит в сущность снега (ибо снег не есть белое как таковое), равно как и самодвижение не входит в сущность души. Ни определение белого не применимо к снегу в его сущности, ни определение движения – к душе.

Если снег есть белое как таковое, а белое есть цвет как таковое, а цвет есть качество как таковое, то снег окажется качеством как таковым. Ведь когда одно сказывается о другом как о подлежащем, все, что говорится о сказываемом, будет сказано и о подлежащем. А в сущности сказываются те [признаки], которые принадлежат самому предмету.

Точно так же, если душа есть самодвижение как таковое, а самодвижение есть движение как таковое, а движение есть незавершенная деятельность, то душа окажется незавершенной деятельностью.

Но что самодвижение не есть род души, можно показать и из следующего: если самодвижение есть род души, оно должно сказываться и о других [сущностях] как о видах, противопоставленных душе. Однако здесь мы доказываем не то, что оно не есть род, а то, что оно не входит в сущность – это другой топ.

р. 120b26 Далее, движущееся не есть сущность.

То, что движение не есть род души или вообще какой-либо сущности, можно показать и так: род обозначает сущность, а движение и самодвижение не обозначают, что есть душа, но что она делает или претерпевает. Ведь поскольку она называется движущейся, она претерпевает, а поскольку движется сама собой – действует.

Выражение «но как нечто действующее или претерпевающее» может относиться к движущемуся, поскольку движущееся либо действует, либо претерпевает в движении.

Далее, движение сказывается о движущихся [предметах]. Но если бы душа была движением или самодвижением, она больше не двигалась бы – иначе получилось бы, что движение движется.

Сначала он показал, что [приписанное] не входит в сущность, исходя из того, что подлежащее не называется через него как через род. Во-вторых, [он показал], что род, сказываясь в сущности, обозначает, что есть подлежащее, а данные [признаки] не обозначают, что есть подлежащее, но каково оно или что оно делает или претерпевает.

Подобным образом можно доказать, что ни сладость не есть род меда, ни горечь – полыни, ни удовольствие – прекрасного. Ведь даже если удовольствие неотделимо от прекрасного, оно не сказывается в его сущности.

Этот топ отличается от предыдущего тем, что там доказывалось, что подлежащее не есть то, о чем сказывается [признак], а здесь, наоборот, что сказываемое не обозначает сущность подлежащего.

р. 120b30 Особенно же следует обращаться к определению привходящего, применимо ли оно к указанному как род.

Он говорит, что особенно нужно обращаться к определению привходящего, чтобы проверить, принадлежит ли оно чему-то из приписанного как родов. Определение привходящего – «может как принадлежать, так и не принадлежать». Если к белому, которое приписано как род снега, или к самодвижению, приписанному как род души, применимо определение привходящего – «может как принадлежать, так и не принадлежать», – то ни то ни другое не будет родом.

Можно спросить, как белое может как принадлежать, так и не принадлежать снегу, или самодвижение – душе, если некоторые полагают душу вечно движущейся. Или он говорит

не об этих [случаях], что они могут как принадлежать, так и не принадлежать, но вообще и просто всякой сущности.

Ведь если для них [эти признаки] принадлежат как видовые, то и для других сущностей, которым они принадлежат, они должны принадлежать как видовые. Но если есть сущности, которым они могут как принадлежать, так и не принадлежать, не будучи их родами, то они не будут родами и для тех, которым принадлежат по аналогии.

Как белое, принадлежа некоторым сущностям, может как принадлежать, так и не принадлежать им, так и самодвижение (ведь животные, будучи самодвижущимися, не всегда движутся). Таким образом, сказанное равносильно тому, что ничто из того, что может как принадлежать, так и не принадлежать некоторым [сущностям], не может быть родом тех, которым принадлежит, даже если для некоторых из них оно принадлежит неотделимо.

Ведь цвет – род не тех, которым он принадлежит, а тех, в чьей сущности он находится.

Или не следует понимать сказанное как относящееся к этим примерам, но поскольку иногда и такое, и так принадлежащее чему-то может быть приписано как род, то подобное нужно опровергать, исходя из определения привходящего, что оно не есть род.

Ведь и сказанное сейчас, что они не суть роды тех, которым могут как принадлежать, так и не принадлежать, можно доказать из определения привходящего.

Ни самодвижение не есть род животного, хотя оно и самодвижущееся (поскольку бывают случаи, когда оно само себя не движет), ни белое – того, которому оно может как принадлежать, так и не принадлежать.

Таким же образом и ощущение не есть род человека: ведь он может как ощущать, так и не ощущать. Ведь ощущающее и ощущаемый – не одно и то же.

р. 120b36 Далее, если род и вид не в одном и том же делении.

Род и вид должны быть в одной и той же категории, в одном и том же роде и в одном и том же делении, ибо оба должны быть одной природы. Если же род, приписанный чему-то, окажется под одной категорией, а вид, для которого он был приписан как род, – под другой, то приписанное не будет родом. Например, если одно есть сущность, как снег и лебедь, а другое – качество, как белое, то белое не может быть родом снега или лебедя. По этой же причине и движение не может быть родом души, если душа есть сущность, а движение – не сущность, но либо состояние, либо качество, либо отношение, либо количество. Но и благо не может быть родом знания или прекрасного, если прекрасное есть качество, а знание относится к относительному. Можно также спросить, как знание может быть родом геометрии, музыки и других наук, если знание относится к относительному, а они – к качествам. Ничто не мешает знанию быть и качеством, поскольку оно есть состояние, и относительным, и быть родом упомянутых наук, взятых как качества. Подобным образом и добродетель может быть родом умеренности и мужества, взятых не как относительное, но как качество. Это возможно только в случае относительного, поскольку относительное обозначает отношение некоторых вещей, которые сами по себе уже не являются относительными. Таким образом, относительные вещи могут подпадать под два рода: под относительное – по отношению, а под другой род – по своей собственной природе, взятой без отношения. Ибо сначала нечто есть само по себе, а затем уже имеет отношение к другому; потому оно будет и под тем родом. Ничто не мешает и благу, будучи под качеством, или прекрасному быть родом знания, поскольку и само знание есть качество. Ибо как относительное знание есть род подчиненных ему наук (геометрии, музыки и других, не являющихся относительными), поскольку их род не в отношении, так и ничто не мешает, в свою очередь, знанию, будучи относительным, иметь родом благо или прекрасное, взятые как качества, если роды их берутся не как относительное, но как качество; ибо знание не только относительно. Поэтому в других родах следует наблюдать это: ибо невозможно, чтобы одно и то же подпадало под несколько категорий. Можно также показать, исходя из этого места, что курносость – не вогнутый нос, ибо нос есть сущность, а курносость – не сущность, но каче-

ство (ибо это некоторое свойство); потому правильное называть ее вогнутостью в носу. Можно также показать, что звук – не ударенный воздух, ибо воздух есть сущность, а звук – не сущность, но некоторое свойство и качество; правильное называть его ударом в воздухе. Это место полезно только для опровержения: ибо если приписанное и подлежащее не под одним делением, то приписанное не будет родом; однако если оба в одном роде, то еще не необходимо, чтобы одно было родом другого.

р. 121a10 Далее, если необходимо или возможно, чтобы род участвовал в приписанном ему виде.

Что значит «участвовать», он сам пояснил: ибо принимать определение того, в чем говорится участвовать, значит участвовать в нем. Приписанное в роде есть вид, которому род приписывается как род. Итак, виды принимают определения родов, а роды уже не принимают определений видов; потому виды могут участвовать в родах, но уже не роды в видах. Итак, если то, что приписывается как род некоторому виду, принимает или может принять определение и разграничение того, что приписано как его род, то приписанное не будет родом. Например, если кто-то назовет «нечто» родом сущего или «одно» – ибо что-то из этого, приписанное как род, непременно примет и определение сущего, и определение одного; ибо все, что существует в действительности, есть и сущее, и одно. Так можно показать, что стоики неправильно считают «нечто» родом сущего: ибо если нечто, то ясно, что и сущее; а если сущее, то оно принимает определение сущего. Но они, постановив у себя, что «сущее» говорится только о телах, избегают затруднения: потому они и говорят, что «нечто» более общее, чем оно, ибо приписывается не только телам, но и бестелесному. Но поскольку «нечто» – самое общее, то под него попадет и «одно»; однако и «одно» можно приписать к «нечто»; потому «нечто» – не род «одного», принимающий его определение. Так можно показать, что «множество» – не род числа: ибо множество есть число, и к нему применимо определение числа. А если так, то неправильно определяют число как множество единиц: ибо само множество есть много единиц. О сущем и одном он сказал, что у них есть определения и разграничения, либо более общие и общепринятые, либо потому, что они применимы к многозначно говоримым вещам, как говорится «от одного и к одному», и есть определения (таковы сущее и одно), либо потому, что согласно тем, кто приписывает что-то из этого как род, у них будут и эти роды.

р. 121a20 Далее, если приписанный вид истинен для чего-то, а род – нет.

Поскольку род высказывается о подлежащем своего вида, необходимо, чтобы и вид, подчиненный ему, высказывался, и они высказывались о них. Ибо вид есть как бы часть рода; а части частей суть части целых. Потому, когда что-то приписано как род, надо исследовать, высказывается ли и подлежащее как вид. О всех, к которым приписанное как род высказывается; ибо если оно не высказывается обо всех, то не будет их родом. Так можно показать, что ни сущее, ни одно, ни познаваемое не есть род мнения, ибо мнение высказывается и о не-сущем (мы ведь считаем и о не-сущем, что его нет, как сказано в «Об истолковании»: «ибо мнение о нем есть, что его нет»), но сущее, одно или познаваемое уже не истинны для не-сущего. Можно также показать, что благо – не род удовольствия, ибо удовольствие высказывается и о невоздержных, а благо – нет. Но и знание не может быть родом добродетели, ибо добродетель высказывается о том, что может быть иначе (ибо нравственная добродетель – о таком), а знание ни о чем из могущего быть иначе не истинно. Это место тоже опровергательное.

р. 121a27 Далее, если ни один из видов не может участвовать.

Поскольку роды делятся на ближайшие виды, а виды, подчиненные роду, в свою очередь делятся, будучи сами родами для других (ничто не мешает, чтобы одни были видами одних, а сами – родами других, как птица, делящаяся не на роды, а на виды, то есть ворона и подобное, а они – на единичное), ясно, что подчиненные роду должны участвовать не в первом делении, но в каком-то из видов этого рода и принимать определение видов, находящихся под приписанным родом. Ближайшие виды родов участвуют только в родах и принимают только

их определения; а не ближайшие, но более отдаленные, необходимо должны принимать определение какого-то вида, находящегося под родом, если приписанное должно быть их родом. Если что-то приписано как род, надо исследовать, не находится ли то, чему род приписан, ни в первом делении приписанного рода, ни в каком-то из его видов; ибо если так, то приписанное не может быть его родом. Например, если кто-то скажет, что удовольствие есть род движения, то, поскольку удовольствие не в первом делении движения (ибо движение делится на движение по месту, по количеству, по качеству и по сущности, но не на удовольствие), надо, чтобы удовольствие, если оно под родом движения, участвовало в каком-то из этих видов движения и было либо под изменением по месту, либо по количеству, либо по качеству, либо по сущности (пусть теперь возникновение и уничтожение будут движениями). Если же оно не под ни одним из них, то и не под движением как родом. Теперь виды движения можно назвать более общими; ибо движение – не род, но из многозначно говоримого. Но удовольствие – ни перемещение (и не принимает определения такого движения), ни увеличение или уменьшение, ни изменение, ни возникновение или уничтожение; значит, и не движение. Что оно не уничтожение, не увеличение или уменьшение – очевидно. Но и не возникновение или уничтожение: ибо это изменение по сущности. Но и не возникновение в смысле восполнения: ибо удовольствие – не восполнение, но возникает при восполнении; ведь не одно и то же – испытывать удовольствие и восполняться: восполнение – тел, удовольствие – души. Да и не всякое удовольствие – при восполнении: ибо одни возникают после предшествующей боли, но не всякое удовольствие – после боли. Но и не изменение удовольствие, будучи изменением по страданию, как может показаться: ибо если страдание, то еще не изменение по страданию. Не одно и то же: белизна, будучи страданием, – не изменение, но побеление; а белизна и побеление – не одно и то же; подобно и теплота – не изменение, но нагревание; ибо это есть изменение. Так и удовольствие – не изменение, будучи страданием: ибо страдание – не изменение; но изменение к удовольствию, если уж на то пошло, есть изменение по страданию, но не удовольствие есть изменение.

р.121a36 Ни атомов.

Сказав, что удовольствие не есть вид движения, он добавил, что оно не есть и что-либо из атомов, подчинённых движению, ведь атомы в движении подпадают под виды движения. Сказав же «ни атомов», он параллельно добавил «ни того, что под видом движения», ибо все движущиеся [вещи] состоят из атомов. Подобным же образом можно показать, что число не есть род души: ведь душа не подпадает под первое деление числа (первое деление числа – на чётное и нечётное, но душа не есть ни чётное, ни нечётное), и она не причастна ни к одному из них (ибо не подходит ни под определение чётного, ни под определение нечётного). Но и точка, и «теперь» не суть количества, поскольку они не являются ни непрерывными, ни разделёнными, на что прежде всего делится количество. Таким образом, и животное не было бы родом бога, если бог не есть ни ходячее животное, ни летающее, ни водное.

р.121b1 Далее, если [род] сказывается о большем, чем то, что подведено под род.

То, что род сказывается о большем, чем вид, общеизвестно. Если же предложенное в качестве рода какого-либо вида сказывается о меньшем, чем вид, то очевидно, что оно не может быть его родом, поскольку сказывается о меньшем. Так можно показать, что животное не может быть родом одушевлённого: ведь одушевлённое сказывается о большем, чем животное, поскольку оно применимо и к растениям, которые не обладают чувствительностью. Также и сущее не может быть родом мнения, если мнение относится и к не-сущему.

Это место кажется тождественным с ранее упомянутым: «Далее, если предложенное в качестве вида истинно для чего-то, а род – нет», особенно поскольку в обоих случаях используется один и тот же пример. Однако между ними есть различие. В первом случае род отвергался не потому, что вид сказывается о большем, чем род, а потому, что вид сказывается о том, о чём род не сказывается.

Может случиться, что предложенное в качестве рода сказывается о большем числе [вещей], но не обо всех, о которых сказывается вид, а о других. Например, непрерывное количество сказывается о большем числе [вещей], чем количество, не состоящее из частей, имеющих положение: непрерывное присуще пяти [вещам] – линии, поверхности, телу, месту, времени; а не состоящее из частей, имеющих положение, – трём: числу, времени и речи. Однако если нечто не состоит из частей, имеющих положение, то непрерывное не присуще всем: оно не присуще ни числу, ни речи. Поэтому непрерывное не может быть его родом.

Здесь же опровержение рода строится на том, что вид сказывается о большем, чем род, как в случае одушевлённого и животного. Поэтому более уместным примером для этого места был бы пример сущего и мнения: ведь мнение сказывается о большем, поскольку относится ко всему сущему и не-сущему. Если же не всё сущее есть предмет мнения, то этот пример подошёл бы к упомянутому месту.

р.121b4 Снова, если [род и вид] сказываются об одном и том же.

И следующий этот способ общеизвестен. Если об одном и том же сказываются и предложенный род, и взятый вид, то предложенное не может быть родом, ибо род должен охватывать большее. Поэтому ни сущее не может быть родом единого, ни единое – родом сущего, ибо каждое из них в равной мере сказывается обо всём сущем.

Подобным образом можно показать, что ни начало не есть род первого, ни первое – род начала, если начало есть первое, а первое – начало. Так же и животное не есть род чувствующего, ибо они сказываются об одном и том же.

Род должен сказываться не только о большем, чем вид, но и чем отличие, как он говорит, и справедливо: ведь роды разделяются отличиями, и каждое отличие выделяет некоторый вид. Поэтому он и сказал, что элемент и начало таких [вещей] должны сказываться о большем, чем вид и отличие.

р.121b5 Наблюдать также, не есть ли что-то другое родом предложенного вида.

Поскольку не может быть двух родов одного и того же, если только один из них не подчинён другому (поэтому и птица, и животное суть роды орла, ибо птица подчинена животному), он говорит, что, когда что-то предлагается в качестве рода, следует искать, не есть ли что-то другое родом того же самого. И если предложенный род не включает этот другой род и сам не включается в него, то следует опровергать и доказывать, что предложенное не есть род.

Например, если кто-то назовёт знание родом справедливости, то, поскольку обнаруживается, что добродетель также есть её род, и при этом добродетель не подчинена знанию (ибо не всякая добродетель есть знание), ни знание не подчинено добродетели (ибо геометрия есть знание, но не добродетель), то знание не может быть правильно предложено в качестве рода справедливости.

Возражение против этого: кажется, что благоразумие, знание и добродетель могут быть высшими родами, хотя они и не подчинены друг другу.

Против этого возражения можно сказать, во-первых, что не очевидно, будто благоразумие есть знание: если оно относится к изменчивым вещам, то не может быть знанием.

Во-вторых, он говорит, что даже если допустить, что нечто может находиться в двух родах, не подчинённых друг другу (ведь если даже благоразумие, будучи добродетелью, признаётся знанием, то мудрость подчинена обоим: она и добродетель, и знание, которые не подчинены друг другу), и если роды не подчинены друг другу и не имеют общего высшего рода, то невозможно, чтобы оба они были родами рассматриваемого [вида].

Этим способом можно показать, что ни единое не есть количество, ни сущность, хотя кажется, что, с одной стороны, поскольку число увеличивается прибавлением единицы, единое есть количество (ибо всё, что прибавляется, увеличивает), а с другой стороны, поскольку единое в числе способно принимать противоположности, оно есть сущность (ибо в той же самой тройке средняя единица есть и предел первой двойки, и начало второй).

Но поскольку ни сущность не подчинена количеству, ни количество – сущности, ни оба они – какому-то общему роду, то единое не может быть родом для обоих.

Таким же образом можно показать, что и знание не подчинено ни количеству, ни отношению.

Или это можно разрешить, сказав, что [оно подчинено] им в разных отношениях.

стр. 122а Следует также рассмотреть род данного рода.

Место [рассуждения] ясно: поскольку род чего-то и все виды, находящиеся под ним, называются в сути [вещи] (ведь род орудия сказывается обо всех видах и индивидах под орудием, а не только о самом орудии), то он сказывается о поставленном в роде как о самом себе, так и о его родах, но также и в сути. И если что-то из сказываемого о данном роде не сказывается более о поставленном в этом роде в сути, то нельзя говорить, что данный [род] является его родом. Таким образом, будет показано, что стыд не есть род добродетели: ведь род добродетели – состояние, но оно не сказывается о стыде, ибо стыд – не состояние, а страсть. Но и для воздержности [родом] не является добродетель, поскольку лучшее состояние не сказывается о ней: ведь воздержность – не лучшее состояние при дурных желаниях, а у всякой добродетели лучшее состояние сказывается в сути; ведь добродетель – не просто состояние, но лучшее, ибо состояние – также и порок. Но и белизна не есть род снега, ибо качество, которое есть род белизны, не сказывается [о снеге]; и сладость не есть род меда, ибо сок [не сказывается о меде]. Итак, правильно, что все роды данного рода должны сказываться в сути о том, что под родом. Однако обратное неверно: ибо если что-то из высшего сказывается в сути о чем-то, то не обязательно, что все под ним будет сказываться в сути о том же. Поскольку противоположности подпадают под один род, то одно из противоположностей будет сказываться в сути, но не оба [как род]. Например, цвет сказывается в сути о белом, но не о черном, хотя цвет – род и того, и другого. Подобно и о несправедливости сказывается состояние, но не добродетель, которая подпадает под состояние, ибо [несправедливость] – порок.

стр. 122а Далее, если род причастен виду или самому себе, или чему-то из высших родов.

Он показывает через это, что если бы данный род или что-то из его родов как рода причастно поставленному как виду и принимает его определение, то невозможно, чтобы данный род был его родом, ибо ничто из высшего не принимает определение подчиненных. Нельзя, например, назвать орла родом животного, ибо не только орел причастен животному, но и его роды – летающее животное и птица. Однако этот прием уже был упомянут ранее в словах: «если необходимо или возможно, чтобы род причастен поставленному в роде». Здесь добавлено: «или чему-то из восходящих родов данного как рода». Этот прием кажется вставленным извне, ибо последующее следует из предыдущего места: «следует рассмотреть род данного рода». Ибо, сказав через него об опровержении рода, как оно получается при взятии родов данного рода, далее он показывает, как через них же можно, напротив, обосновать, что данное есть род.

стр. 122а При опровержении, как сказано, следует пользоваться [этим].

Он весьма искусно показывает обоснование рода, противоположное опровержению, следланному перед последним приведенным местом. Опровержение было таково: если что-то из сказываемого о данном как о роде в сути не сказывается о поставленном в его роде, то данное не есть его род. А нынешнее обоснование таково: если данный род чего-то сказывается о нем, но исследуется, сказывается ли он как род и в сути, то следует выяснить, сказывается ли что-то из сказываемого в сути о подлежащем ему, то есть сказывается ли какой-то его род в сути о подлежащем ему. Ибо если найдется, что так сказываемое о нем, то и данное как род будет сказываться о нем в сути. Ведь если что-то сказывается в сути о подлежащем ему, то необходимо, чтобы и само оно сказывалось в сути о том подлежащем. Ибо если что-то из родов данного как рода или его видов сказывается в сути о чем-то, то необходимо, чтобы все остальное соотносилось так, что одни будут родами, другие – видами, и сказываться в сути о том же.

Ясно, что вообще все сказываемое и истинное о нем. Это он и сам показал, добавив: «что сказывается». И что это так, он говорит, нужно показывать через наведение: нигде не найдется противоречия. Так можно показать, что род добродетели – состояние: оно сказывается о ней, а что и в сути – ясно из того, что качество, будучи родом состояния и сказываясь в сути о нем, сказывается и о добродетели в сути: ибо добродетель – качество. И птица – род орла, ибо род птицы – животное – сказывается в сути об орле.

стр. 122a9 Если же о самом существовании [рода] есть спор.

Показав, как можно доказать, что данное как род сказывается в сути, если согласиться, что оно вообще существует, он показывает, как мы сможем доказать, что оно и существует, и сказывается в сути, если даже это оспаривается. Ибо если о сказываемом как о роде в сути поставлено, что оно сказывается, то, говорит он, нужно исследовать, не сказывается ли в сути о рассматриваемом и что-то другое из видов, находящихся под высшим родом. Ибо если ни один из видов этого рода не принадлежит ему, то данное как род будет принадлежать ему и сказываться в сути о нем, поскольку показано, что под родом необходимо причастно какому-то из его видов, если только это не один из видов первого деления рода. Так что и рассматриваемое, если допустить, что оно причастно какому-то из видов сказываемого в сути о нем, то, поскольку оно под общим родом и не причастно ничему другому, оно причастно данному как его роду, и это будет его родом. Например, если родом ходьбы дано перемещение и исследуется, сказывается ли вообще перемещение о ходьбе, то, взяв род перемещения (а это – движение), мы найдем, что и движение сказывается в сути о ходьбе, а затем, взяв другие виды движения, противопоставляемые перемещению, покажем, что ни один из них не принадлежит ходьбе (ибо ни изменение, ни увеличение, ни уменьшение, ни возникновение, ни уничтожение ей не присущи), и тогда мы докажем, что перемещение принадлежит ей и сказывается в сути о ней и есть ее род. И рассуждение будет таково: ходьба, поскольку она – движение, есть либо увеличение, либо уменьшение, либо изменение, либо возникновение, либо уничтожение, либо перемещение; но она – ни увеличение, ни уменьшение, ни изменение, ни возникновение, ни уничтожение; следовательно, она – перемещение. Ибо если не перемещение, то и не движение: ведь то, что находится в каком-то роде, необходимо причастно какому-то из его видов; но она – движение; следовательно, перемещение. Проще же снова понимать движение как род, а находящееся под ним – как виды. Так можно показать, что справедливость – добродетель: ведь избирательное состояние сказывается о ней в сути, но, будучи избирательным состоянием, она – не порок, а виды состояния – добродетель и порок. И три – нечетное число, ибо, будучи числом, оно не четное. Также душа – вид, ибо, будучи сущностью, она не есть материя.

стр. 122a1 Далее, в случаях, когда вид, поставленный как род, сказывается.

Показав, как на основании родов данного как рода можно опровергнуть или обосновать, что данное есть род рассматриваемого, он теперь, наоборот, на основании данного как вида предлагает приемы, через которые мы сможем опровергать и обосновывать данное как его род. Ибо если вид, поставленный как находящийся в каком-то роде, сам есть род чего-то, то нужно смотреть, есть ли данное его родом для тех, для кого он сам род. Ибо если данный род не сказывается [о] явно о видах [или] в сути о видах рассматриваемого как вида или о каких-то его родах, то ясно, что данное не есть род. Ведь если бы оно было родом рассматриваемого, то очевидно, что и оно, и все его роды сказывались бы в сути о подчиненных ему по виду, как и поставленное как вид. Ибо все более общее по отношению к крайним и подчиненным сказывается в сути.

Для опровержения полезно найти, что данное как род не сказывается в сути о видах под данным видом или о каких-то его родах. Например, если о видах под добродетелью не сказывается знание, то оно не будет родом добродетели, например мужества или благоразумия, или какой-то иной добродетели.

Для обоснования полезно найти, что данный род сказывается в сути о видах под поставленным видом. Ибо если и поставленное как вид сказывается в сути о них, и данное как род этого вида, то ясно, что они будут под двумя родами, которые необходимо находятся друг под другом. Ибо когда что-то находится в нескольких родах, то они оказываются подчиненными друг другу.

Если же два рода одних и тех же [вещей] должны быть подчинены друг другу, а данное как род не подчинено виду, то остается, что оно есть его род. А если так, то данным будет его род. Например, если данное как род птицы – летающее животное, и если исследуется, так ли это, то, поскольку птица есть род ворона (и орла) и других, противопоставляемых им, и о них в сути сказывается и летающее животное, как и птица, ясно, что летающее животное будет родом орла. Но его родом является и птица; следовательно, поскольку они – роды одного и того же, одно должно быть подчинено другому. Но летающее животное не подчинено птице, ибо оно шире; остается, что птица подчинена летающему животному как роду.

Таким образом, опровергающий прием для вышесказанного покажется тем же самым, что и первый из всех упомянутых, через который он предлагал смотреть на все родственное поставленному как виду какого-то рода, не сказывается ли о чем-то из них данный род. Но добавленный к нему обосновывающий делает его другим.

стр. 122b Следует также рассмотреть и определения родов.

Показав исследуемое [положение] на основании того, что сказывается в сути бытия или не сказывается, поскольку роды видов не только сказываются в сути бытия, но и синонимично, он говорит, что нужно брать также определения того, что дано как вид, и того, что дано как род. И если оба определения – и вида, и данного как рода – оказываются сказываемыми о видах данного как вида, а также и определения родов данного как рода сами по себе, то можно заключить и показать, что исследуемое является родом. Если же где-то возникает противоречие, то [положение] опровергается. Например, если определение «орудия» сказывается об орле так же, как и определение «летающего животного» и «животного» (которое как род является родом для «летающего животного»), то можно показать, что «летающее животное» есть род для «орудия». Но если определение «летающего животного» не подходит к орлу или определение «животного» [не подходит], то и «летающее животное» не будет родом для «орудия». Таким же образом можно показать, что «число» не есть род «души», потому что ни к одной душе не подходит определение числа: ведь ни одна душа не есть множество, составленное из единиц. Однако определение души, каково бы оно ни было, подходит к каждой из душ. А что касается «изменения», можно показать, что оно есть род или «движение», потому что его определение подходит ко всему, что подпадает под изменение: ведь определение движения сказывается и о «становлении белым», и о «становлении черным», и подобным же образом – о других изменениях.

стр. 122b12 Опять же, если он принял различие за род.

Тот, кто принимает видовое различие чего-либо за его род, ошибается: ведь род сказывается в сути бытия, а различие указывает на качество подлежащего, а не на то, что оно есть. Так ошибается тот, кто считает родом бога «бессмертное»: ведь «бессмертное» есть различие животного, видовое для бога, так как среди животных одни смертны, другие бессмертны. Показав, что это различие, он принимает как следствие: «различие же не есть род», ибо никакое различие, как он сказал, не есть род. Что это так, он показал тем, что различие означает не «что есть», а скорее «какое». Слово «скорее» он добавил потому, что различие не есть просто качество: ведь различие в сущности определяет качество относительно сущности, но само не есть качество, а сущность. Можно сказать, что различие есть качество, если брать его отдельно от подлежащего и материи. Поэтому и «смертное» не есть род человека. Поэтому и «нечетное» не есть род тройки: ведь это различие числа.

стр. 122b18 И если он поместил различие как вид в род.

Подобным же образом ошибается, говорит он, и тот, кто помещает различие как вид в тот род, для которого оно есть различие. Например, если кто-то говорит, что «нечетное» есть число: ведь «нечетное» само по себе не есть вид числа, а различие. Видом будет не «нечетное» само по себе, а «нечетное число», соединенное с числом. Различие же не причастно роду, то есть не допускает определения рода: ведь то, что допускает определение чего-либо, есть либо его вид, либо индивид; различие же не есть ни то, ни другое. Таким образом, «животное» будет сказываться о «бессмертном» как род, так же «число» – о «приращении по длине» или «росте», ибо различие роста – это «приращение по длине». Причина того, что род не сказывается о различии в случае сущности, заключается в том, что род есть сложное «что есть», а различие, взятое отдельно от рода, не есть сложное. Следовательно, если различие не причастно роду, то есть не допускает его определения, то оно не будет и его видом. Очевидно, что и «нечетное» не будет видом, а различием, поскольку оно не причастно роду. Мне кажется, это сказано наоборот: не потому, что оно не причастно, оно есть различие, а потому, что оно есть различие, оно и не причастно роду. Ведь более известно, что оно есть различие, чем то, что оно не причастно числу. И сам он, приняв как общепризнанное, что оно есть различие, добавил: «различие же, по-видимому, не причастно роду».

стр. 122b25 Далее, если он поместил род в вид.

Очевидна ошибка того, кто подчиняет род виду и сказывает о виде как о роде: ведь он выдает менее общее за род более общего. Так ошибается тот, кто считает родом «соединения» «сцепление»: ведь «сцепление» есть вид «соединения». Не все, что соединяется, сцепляется: соединяется и то, что просто соприкасается, но не сцепляется. Однако все, что сцепляется, соединяется. Следовательно, «соединяться» более общее, чем «сцепляться». Но и тот, кто называет «смешение» родом для «слияния», подчиняет род виду: ведь «смешение» более общее, чем «слияние». Если что-то слито, то оно и смешано, но не все смешанное слито: например, смешение сухих [тел] не есть слияние. Также и тот, кто называет «движение по месту» родом для «перемещения», помещает род в вид. Это делает и Платон: определяя движение по месту, он называет его «перемещением». Но «перемещение» свойственно неодушевленным и произвольно меняющим место предметам. Он сказал «произвольно» вместо «не по желанию»: движется, но не произвольно. Если, таким образом, есть вещи, меняющие место не по желанию, а есть и такие, которые делают это по желанию (например, ходячие), то «движение по месту» будет более общим: ведь не всякое движение по месту есть перемещение. Получается, что те, кто так делает, называют менее общее родом более общего. Однако это место отличается от предыдущего тем, что здесь показывают, что вид (который) не есть вид, выдается за род, тогда как [в первом случае] более общее выдается за менее общее. О Платоне он упомянул, чтобы придать месту больше авторитета и показать его полезность, так как даже некоторые знаменитые [философы] могут быть в этом упрекнуты, как бы и он сам. Ведь и он в пятой книге «Физики», сказав, что движение по месту безымянно, называет его «перемещением».

стр. 122b Опять же, если он поместил различие в вид.

Подобно тому, как ошибается тот, кто помещает род в вид (ведь он подчиняет более общее менее общему), так ошибается и тот, кто выдает вид за род различия или вообще сказывает о виде, образованном различием, как о его роде. В этом и заключается его ошибка. Ведь уже было сказано, что ничто из того, что есть различие, не сказывается как род о том, для чего оно есть различие, если все подлежащее есть либо род, либо вид, либо индивид, а различие не есть ни то, ни другое для рода, которое оно разделяет. Но гораздо нелепее сказывать о виде, образованном различием, как о его роде: ведь тот, кто так делает, ошибается в том, что подчиняет более общее менее общему. Различие более общее, чем вид, даже если различие берется как сложное. Так ошибается тот, кто сказывает о боге как о «бессмертном» (различие – «бес-

смертное», вид – «бог», и «бессмертное» более общее, если не всякое бессмертное есть бог) и тот, кто говорит о человеке как о «разумном».

стр. 122b38 Ведь получится, что вид называется в равной или большей степени.

Он сказал не то, что род иногда называется в равной степени с видом, а то, что все, что истинно называется о чем-то, либо равно ему, либо более общее. Если, таким образом, и вид называется о различии, то можно сказать, что вид либо равен различию, либо более общее. Но дело обстоит не так: различие либо равно виду, о котором оно называется (когда оно берется как собственно и непосредственно образующее вид, например, «ходячее» как видовое различие «ходячего животного» – ведь это вид животного – равно ему), либо более общее, как «двуногое» или «разумное» для человека. Если бы «способное принимать знание» было равно человеку как различие. Далее, если вид называется о различии, а род – о виде, то и род назывался бы о различии в сути бытия. Но уже было показано, что это невозможно, так как различие не причастно роду. Здесь, кажется, он берет различие как сложное.

(Примечание: обозначает лакуну или нечитаемый фрагмент в тексте.)

стр. 123a1 Еще если род отнес к различию.

Очевидно ошибается и тот, кто род выставляет как различие: ведь различие уже рода, и более того, род вообще не называется в сущности о различии, хотя оно под ним находится; если же так, то различие будет еще уже рода. Он переворачивает оба первых приведенных места: и то, в котором различие вида выдавалось за род (ибо тот, кто помещает различие в вид, перевернут этим), и то, в котором род называется о различии как о виде: ведь тот, кто род относит к различию, о чем сейчас говорится, перевернут тому. Так ошибается тот, кто говорит о цвете как о сравнительном: ведь цвет – род, а сравнительное – различие цвета; ибо из цветов одни сравнительные, как черные, другие – различающие, как белые. Подобно ошибается и тот, кто говорит о числе как о нечетном: ибо нечетное – различие числа, которое есть род.

стр. 123a3 И если род назвал как различие.

Очевидна и эта ошибка, если кто-то род чего-то называет его различием. Так ошибается тот, кто говорит, что смешение – различие соединения: ибо соединение – вид, а его род – смешение, как было сказано незадолго до этого. Подобно и тот, кто говорит, что движение – различие перемещения: ведь то, что называется о большем и в сущности, принимают как разделяющее его. Можно спросить, чем отличается отнесение рода к виду от выдачи рода как различия вида: ибо в примерах род взят как вид собственного вида. Различие, возможно, в том, что если к роду добавляется имя различия, как если сказать не «смешение – соединение», а «смешение – различие соединения». Такой ошибкой, видимо, будет и назвать глину размоченной влагой: ибо замес – не различие глины, а род. Подобно и тот, кто называет птицу различием летающего животного. Впрочем, все такие случаи, говорит, нужно рассматривать одинаково. И каковы те, через которые следует рассматривать и опровергать, говорит обобщенно: ибо нужно пользоваться тем, что род называется о большем, чем различие, и тем, что определение рода не допускает различия.

стр. 123a8 Если же так отнесено, ни одно из сказанного не может случиться.

Так, если кто-то выдаст различие рода за род, как тот, кто называет цвет сравнительным зрением: ибо род окажется уже различия, и еще примет его определение. Но и тот, кто выдает род как различие, как сейчас говорится, делает род уже различия. Ибо если род – соединение, а различие – его смешение взято, поскольку соединение уже смешения, то род окажется уже различия; еще, поскольку смешение называется в сущности о соединении, род примет различие. Таково сказанное сейчас, не тем, что различие не причастно роду, как было сказано прежде, а тем, что род – различия: ибо это означает «и не причастно различию», что равнозначно «и не называется в сущности различие о роде». И другие прежде упомянутые места, касающиеся различий, видов и родов, которые неправильно меняются местами, показывают,

пользуясь этим: ибо тем, что берется как большее то, что сказывается о меньшем, или тем, что непричастное чему-то выдается как причастное. Так что они взаимосвязаны одинаково.

стр. 123a11 Оять же, если никакое различие рода не сказывается о приписанном виде.

Поскольку из рода, разделяемого по различиям, происходит возникновение его видов, ясно, что всякий вид имеет какой-то род и какое-то различие или некоторые из сказывающихся о нем различий рода: ибо поэтому и определение видов – из рода и различий. Например, род человека – животное; поэтому и разумное, и смертное – различия животного, сказывающиеся о нем. «Сколько различий сказывается», как сказано в «Категориях», «столько будет и у подлежащего». Ибо различия рода находятся во всех подлежащих ему, одни в одних, другие в других, очевидно, по которым каждый из подчиненных ему оформляется. Поэтому, когда что-то приписывается как род, нужно искать, какие из разделяющих различий приписанного рода сказываются о том, что поставлено как вид; ибо если ни одно различие рода не сказывается о нем, то и приписанное не будет его родом. Так снова докажется, что число не род души: ибо ни одно из различий числа не сказывается о душе. Ведь различия числа – нечетное и четное; но ни одно из них не присуще душе. Можно авторитетно доказать, что и мир – не животное и ни одно из светил, ибо ни одно из различий животного не сказывается о них: ибо всякое животное – или летающее, или водное, или сухопутное, но ни одно из этого не присуще им. Или другое различие возникающего животного и чувствующего: ибо божественные животные омонимичны им; ибо их жизнь – иная. Доказательство же, что они не среди этих животных. Можно доказать, что и время – не движение, ибо различия движения – скорость и медленность, но ни одно не присуще времени. Но и не удовольствию; так что и удовольствие – не движение. Подобно и единица – не количество, ибо ни непрерывное, ни дискретное. Место же может быть и подтверждающим: ибо если некоторые различия приписанного рода явно сказываются о подлежащем, можно доказать, что оно – его вид. Не следует, однако, заключать, что различие сказывается о виде как в сущности его высказывания: ибо показал, что ни различие не сказывается в сущности о чем-то из подчиненных роду, когда берется само по себе, ни что-то из подчиненных роду или сам род – о различии.

стр. 123a4 «Также, если вид по природе предшествует и уничтожает род.

Этот топ также ясен. Ведь известно, что роды по природе предшествуют видам: ведь род уничтожается сам, не уничтожая вид, но вид не мог бы существовать без рода. Таким образом, ни смешение не есть род соединения, ни перемещение в пространстве – род движения, ни соприкосновение – род непрерывности, ни удар – род звука. Ведь если уничтожается перемещение в пространстве, уничтожается и движение; но с уничтожением движения перемещение в пространстве не уничтожается: ходьба, будучи перемещением в пространстве, не есть движение, как можно сказать. Этот же топ потенциально тождествен топу «если кто-то поместит род в вид». Но он отличается способом опровержения. Он только опровергающий, но не подтверждающий: ведь если что-то по природе предшествует чему-то, это еще не значит, что оно его род. Например, субстанция по природе предшествует другим родам, но не является их родом; единица, будучи первой среди чисел, не есть их род; питательная душа, хотя и первая среди других, не есть их род.»

стр. 123a5 «Также, если возможно отделить указанный род или отличие.

Поскольку и род, и собственное отличие каждого находятся в его сущности (ибо число происходит из них), а то, что в сущности каждого, неотделимо, говорит он, то, если что-то названо родом или отличием, следует исследовать, можно ли это отделить и существовать отдельно от того, чему приписан род или отличие. Так, если движение души отделимо, то оно не будет ни родом, ни отличием, как полагают те, кто называет её самодвижущейся сущностью: ведь душа может существовать и без движения, поскольку движется случайно – когда движется тело, в котором она находится; если же тело покоится, очевидно, что и душа не движется. Оять же, если есть мнение, которое ни истинно, ни ложно, то истина или ложь не будут

отличием мнения: ведь мнение о будущем, кажется, таково, поскольку не имеет определенно ни того, ни другого. Но и легкость или тяжесть не есть отличие тела, поскольку тело может существовать, не имея ни того, ни другого. Или последние примеры относятся не к отделению, а к тому, что это не может быть предикатом для всех.»

стр. 123a20 «Следует также рассмотреть, относится ли к роду что-то, имеющее противоположное роду.

Поскольку невозможно, чтобы что-то одновременно принимало определения противоположного, а род неотделим от того, чему он род, говорит он, что, когда что-то приписывается как род, нужно исследовать, может ли подлежащее как вид принимать противоположное приписанному роду. Если может, то приписанное не будет его родом: ведь тогда оно могло бы принимать противоположное. Если вид принимает противоположное своему роду, то и род должен принимать его, поскольку род неотделим от вида. Так можно показать, что необходимое не есть род возможного, поскольку необходимое может принимать и невозможное, что противоположно возможному: ведь необходимое не быть есть невозможное быть. Но и возникновение не есть род соединения, поскольку бывает и из разделения, как переход от более плотных тел к более тонким. Но и любовь не есть род дружбы, поскольку влюбленные иногда и ненавидят.»

стр. 123a23 «Также, если вид причастен чему-то, что вообще не может принадлежать тому, что под родом.

Если вид, говорит он, не причастен чему-то, что не может принадлежать ничему из того, что под приписанным родом, то это не будет его родом: ведь род объемлет все, что есть в видах. Так, число не будет родом души, поскольку душа причастна жизни, а ни одно число не может принять жизнь. Но и знание не есть род добродетели, если добродетель причастна действию (ведь добродетели деятельны), а знание – нет. Но и воздержность не есть добродетель, поскольку воздержность причастна дурным желаниям, а добродетель – ни к чему такому. Не следует, однако, считать этот топ ложным, если взять что-то особенное у одного из подчиненных роду и показать, что это не принадлежит другим: ведь способность смеяться не принадлежит ничему другому под животным, но не поэтому человек не подчинен животному. Этот топ требует смотреть в целом, не причастно ли что-то из приписанного роду такому, что не может быть в подчиненных роду, поскольку все такое чуждо роду: ведь то, что под родом, равно «всему роду и всем подчиненным роду».»

стр. 123a27 «Следует также рассмотреть, омонимичен ли вид роду.

Установлено, что роды предикативно синонимичны видам и виды принимают определения родов. Если же приписанное как род омонимично или не имеет определения, которое можно предиктировать о подчиненном как о виде, а только разделяет с ним имя, то приписанное не будет родом. Мы воспользуемся элементами, говорит он, для распознавания омонимии, либо ссылаясь на сказанное об омонимах, либо, скорее, на переданные в первой книге топы для нахождения и распознавания омонимов. Того, кто называет белое цветом голоса родом, можно опровергнуть, показав, что белое говорится омонимично и не имеет единого определения: ведь белое в цвете иное, чем в звуке. Можно также уловить и показать омонимию через противоположное, поскольку и противоположное ему, черное, омонимично, или показав, что между белым и черным в цветах есть промежуточное, а в звуках – нет. Подобным же образом можно показать и через другие топы, переданные для нахождения омонимов, омонимичен ли вид приписанному как роду, что равносильно исследованию, предиктируется ли он омонимично, а не синонимично. Ведь то, что он сказал «если вид омонимичен роду», вместо «если он предиктируется омонимично», ясно из добавленного: «ведь род и вид синонимичны». Так можно показать, что цвет не есть род цвета в мелодии, поскольку он омонимичен: как же, скажет кто-то, черное не есть род черного, которым пишем? Но это род в другом смысле, не омонимично: ведь род предиктируется синонимично.»

стр. 123a30 «Поскольку у каждого рода несколько видов.

У нас установлено, что род есть «то, что предиктируется в сути бытия о многих и различных по виду». Следовательно, если что-то есть род, у него необходимо несколько видов. Если же у приписанного как рода не может быть другого вида, ясно, что приписанное не есть род. Так можно показать, что длина не есть род линии, как говорят те, кто называет её длиной без ширины: ведь нет другой длины, кроме линии; поверхность имеет длину, но не есть длина, а состоит из длины и ширины.»

стр. 123a33 Следует также рассмотреть, не дано ли что-либо в качестве рода по переносу значения.

Он говорит, что нужно исследовать, не является ли то, что дано как род чего-либо, сказанным о нём по переносу значения. Ибо если оно так говорится о нём, то оно не может быть родом. Поскольку род сказывается в сущностном определении, а то, что говорится по переносу значения, не может обозначать то, о чём сказывается, то не может быть родом то, что говорится по переносу. Например, люди не сказываются в сущностном определении о подошве. Поэтому можно показать, что ни согласие не есть род благоразумия (ибо согласие переносится на благоразумие, тогда как в собственном смысле согласие относится к звукам), ни грубость – род неотесанности, как некоторые, определяя её, называют её огрубением нрава. Ибо грубость в собственном смысле относится к телам, будучи свойством тела. Ошибаются те, кто называет благоразумие согласием, и потому, что они берут вид и род не из одного и того же деления и категории. Ибо благоразумие есть качество (оно – состояние), а согласие – относительное, ибо оно относится к чему-то.

стр. 123b1 Далее, если вид противоположен чему-либо, следует рассмотреть. Исследование же проводится в нескольких аспектах.

Он говорит, что нужно исследовать, не противоположен ли вид, взятый как вид, чему-либо. Ибо если то, что положено как вид чего-либо, противоположно чему-то, то это даёт больше возможностей для опровержения. Во-первых, один из способов опровержения исходит из противоположностей: если противоположное тому, что взято как род, само не подпадает под тот же род, при условии, что взятому как род ничто не противоположно. Ибо необходимо, если одно из противоположных подпадает под какой-либо род или ничто ему не противоположно, чтобы и другое противоположное подпадало под тот же род. Ибо противоположное либо в одном и том же роде, либо в противоположных родах, либо само есть род. Следовательно, взятое как род не может быть родом. Но оно не может быть и в противоположном роде, если только взятому как род ничто не противоположно. Остаётся, что и противоположное взятому как виду должно быть в том же роде. Если же это не так, то и это не может быть. Ибо в чём белое, в том и чёрное: оба – в цвете, поскольку цвету ничто не противоположно. Подобно, поскольку нечётное – в числе, а противоположное ему – чётное – тоже в числе.

Этим можно показать, что дружба не подпадает под род единомыслия, ибо вражда, будучи ей противоположна, не подпадает ни под единомыслие, ни под противоположное ему.

Второй способ: если и роду, взятому как род, что-то противоположно, следует исследовать, не подпадает ли противоположное взятому как виду под противоположное взятому как роду. Ибо противоположное должно быть под одним родом, если роду ничто не противоположно, но под противоположными родами, если роду что-то противоположно. Ибо если роды сами имеют противоположность, то противоположные виды не могут быть под одним родом.

Так, справедливость есть в добродетели как в роде, поскольку и несправедливость, ей противоположная, есть в пороке, который противоположен добродетели.

Так можно показать, что несправедливость не есть благоразумие, как говорил Фрасимах, ибо противоположное несправедливости – справедливость – не подпадает ни под благоразумие, ни под противоположное ему – неблагоразумие.

Также можно показать, что невоздержанность не есть порок, ибо противоположное ей – воздержанность – не подпадает ни под порок, ни под противоположное ему – добродетель (ибо воздержанность не есть добродетель из-за дурных влечений). Но и добродетель не есть знание, ибо порок не есть невежество.

стр. 123b8 Далее, если вообще противоположное виду не подпадает ни под какой род, но само есть род.

Он предлагает ещё один способ: исследовать, не противоположно ли взятому как виду что-либо. Ибо если противоположное взятому как виду не подпадает ни под какой род, то и само взятое как вид не может быть в роде. Ибо если у противоположных одно не подпадает ни под какой род, то и другое не подпадает ни под какой род. Поскольку противоположное либо в одном и том же роде, либо в противоположных родах, либо само есть род, как сказано в «Категориях».

Поскольку благо не есть в каком-либо роде, но само есть род, то и зло не может быть в каком-либо роде. Принято называть и благо, и зло родами, хотя и омонимично, как показано в «Этике».

Примерами противоположных как родов могут быть действие и претерпевание: они противоположны, но не подпадают ни под один род, ни под противоположные роды. Ибо они вообще не подпадают ни под какой род, но сами суть роды в первых десяти [категориях].

Отсюда можно, обратив рассуждение, показать, что лишение не противоположно виду. Ибо если вид – в сущности, а лишение – ни в каком роде (ибо просто не-сущее не может быть в каком-либо роде), то лишение не может быть противоположно виду, поскольку сущности ничто не противоположно, под которой был вид.

стр. 123b12 Далее, если и роду, и виду что-то противоположно.

Если и виду, и взятому как его роду что-то противоположно, он говорит, что нужно исследовать, не противоположны ли виды друг другу так же, как и роды. «Так же» означает, что оба относятся к непосредственным противоположностям или к опосредованным. Ибо если у одних есть нечто среднее, а у других нет, то не покажется, что взятые как виды подпадают под взятые как роды.

Ибо общепринято, что среднее одинаково относится к обоим, как в случае справедливости и несправедливости, добродетели и порока: каждая из этих противоположностей имеет среднее.

Если у родов есть нечто среднее, а у подпадающих под них видов уже нет, то под что будет подпадать среднее между родами? Ибо оно, если есть, должно сказываться о чём-то (оно ведь не есть нечто неделимое). Но о противоположных видах оно сказываться не будет, ибо противоположные роды сказываются о них.

Если же у видов есть нечто среднее, а у родов уже нет, то под какой род будет подпадать среднее между противоположными видами? Не под один из противоположных родов, ибо противоположные виды подпадают под них.

Возражение против этого способа как только правдоподобного, но не истинного, состоит в том, что между здоровьем и болезнью нет среднего, а между благом и злом как противоположными родами, под которые подпадают здоровье и болезнь, есть нечто среднее – то, что ни благо, ни зло.

Но здесь следует понимать благо и зло телесные, а не омонимичные. Ибо у них есть среднее: например, хорошее и дурное состояние тела (первое – благо, второе – зло) имеют среднее – здоровье. Также красота и безобразие, сила и слабость. Но они не суть роды для рассматриваемого, и средние между ними не суть отрицания крайностей, как в случае блага и зла.

стр. 123b18 Далее, если есть нечто среднее между обоими.

Он говорит, что нужно также исследовать, есть ли нечто среднее как между противоположными родами, так и между противоположными видами, и одинаково ли оно у них. Ибо если

не одинаково, а у одних среднее обозначается отрицанием крайностей, а у других – утверждением, то одни не будут подпадать под другие как под роды.

Ибо общепринято, что среднее одинаково относится к обоим, как в случае добродетели и порока, справедливости и несправедливости: в обоих противоположностях среднее обозначается отрицанием крайностей.

Но и здесь может быть возражение: между славой и бесславием среднее обозначается утверждением, как сказано ранее: «Средним я хочу быть в городе». Также среднее зрение – между близорукостью и дальновзоркостью – обозначается утверждением. Подобно и средний слух – между острым и тугим. А у блага и зла, под которые они подпадают как роды, среднее обозначается отрицанием.

стр. 123b23 «Далее, когда роду не противоположно что-либо.

Сказано, что если виду противоположно что-либо, а роду уже нет, то и противоположное данному виду должно находиться в том же роде. К этому он добавляет, что не только противоположные [вещи] должны быть под одним родом, если роду ничего не противоположно, но и то, что между ними, если есть что-то среднее между ними. Ибо в каком роде находятся крайности, то есть противоположности, в том же [роде] и их середина, если, конечно, середина есть смешение противоположностей. Так, под одним родом находятся белое и черное, а также промежуточные между ними цвета, ибо род всех их – цвет. Подобно этому, вкус есть род, когда сладкое и горькое противоположны, а все промежуточные между ними также относятся к этому роду. Таким образом, можно показать, что кривизна не есть род округлого: ибо если выпуклое и вогнутое, будучи противоположностями, подчинены округлому, а среднее между выпуклым и вогнутым (что бы это ни было – прямое или иное) уже не подчинено округлому, то и округлое не будет их родом. Возражение против этого места [рассуждения] таково: в случае нравственных добродетелей избыток и недостаток, будучи противоположными друг другу, подчинены пороку, а добродетели, будучи их серединой, подчинены другому роду – добродетели. Или же [можно сказать], что этим [добродетелям] присуще не только быть серединой, но и быть противоположными обоим крайностям. Например, в случае большого и малого, где одно есть избыток, а другое – недостаток, их середина – равное – находится под тем же родом. То же и с цветом, вкусом или другими подобными [категориями]: если есть избыток и недостаток, то и их середина подчинена тому же роду. Далее, собственно середина как смешение крайностей по необходимости должна быть под тем же родом, что и крайности. Но добродетель не такова в отношении пороков, ибо «середина» здесь говорится омонимично: ведь и в круге серединой называется центр, а в терминах – средний [термин], который подлежит одному и называется о другом, или вообще дважды принимаемый в соединении предпосылок. Кроме того, предполагалось, что роду ничего не противоположно; но порок, будучи родом для недостатка и избытка, имеет противоположность – добродетель.

стр. 123b30 «Надо также рассмотреть, не противоположно ли что-либо роду, но не противоположно виду.

И это место [рассуждения] также исходит из противоположностей. Всегда следует проверять, не противоположно ли что-либо предполагаемому роду, но не противоположно виду: ибо не будет родом то, что приписано виду, не имеющему противоположности. Противоположные роды суть роды противоположных видов, например, добродетель и порок противоположны, справедливость и несправедливость тоже; но не наоборот, ибо противоположные [вещи] могут быть под одним родом. Так, поскольку гармония противоположна дисгармонии, а душе ничто не противоположно, то душа не есть гармония, как пытался доказать Платон в «Федоне». Таким же образом можно показать, что начало не есть род элемента, ибо если началу противоположен конец, а элементу ничто не противоположно, то [начало не его род]. Также пустота не есть род места, ибо пустоте противоположна наполненность, а месту ничто не противоположно. И время не есть движение, ибо движению противоположен покой, а вре-

мени ничто. И если нетленному противоположно тленное, а Богу ничто не противоположно, то нетленное не будет родом Бога. Возражение против этого общепринятого места [рассуждения] он приводит на примере здоровья и болезни. Вообще здоровье противоположно болезни, но из того, что подчинено болезни или здоровью, ничто ничему не противоположно: например, лихорадка – болезнь, и пневмония, и глазная болезнь не имеют противоположностей. Или же здесь противоположность безымянна: ведь здоровье в каждом из этих случаев [разное].

стр. 124a1 «Итак, при опровержении следует рассматривать [вопрос] столькими способами.

Перечислив несколько мест [рассуждения] от противоположностей (ибо он изложил их), затем говорит, что все они годны для опровержения, но только три из них полезны и для построения, которые и излагает. Первый из упомянутых требует, если роду ничего не противоположно, а виду противоположно, чтобы оба противоположных [вида] были под одним родом. Ибо если это установлено, то, показав, что предполагаемому роду ничто не противоположно, а противоположное искомому виду есть в этом роде, будет доказано, что и искомое подчинено тому же роду: если противоположное в этом [роде], то ясно, что и оно [там же]. Например, поскольку многое противоположно малому, а род многого – множество, и множеству ничто не противоположно, то и для малого родом будет множество. Второе полезное для построения место от противоположностей он излагает как место от средних: если среднее между противоположностями находится в некотором роде, то и противоположности будут в том же роде. Но надо понимать, что он берет среднее в собственном смысле – то, что возникает через смешение противоположностей. В каком роде находится средний звук, в том же и высокий с низким; в каком [роде] серый, в том же белый и черный. Но не так, что мужество [находится] в том же [роде], что и дерзость с трусостью, ибо добродетели не суть середины пороков как их смешение. Третье место для построения таково: когда и предполагаемому как виду, и предполагаемому как роду что-то противоположно, надо, говорит он, исследовать, не находится ли противоположное искомому в противоположном роде. Ибо если противоположное в противоположном [роде], то и искомое в роде, противоположном тому. Например, если исследуется, не есть ли асимметрия род болезни, то, показав, что симметрия, противоположная асимметрии, есть род здоровья, которое противоположно болезни, мы докажем, что и болезнь есть асимметрия.»

р. 124a10 Снова о падежах и о соотнесенных [формах].

Подобно тому как для проблем, [исходящих] от привходящего, он передал некоторые опровергающие и доказывающие топы, [исходящие] от падежей и от соотнесенных [форм], так же и для проблем, [исходящих] от рода, он передает некоторые топы от этих же самых [источников]. Ведь топы от соотнесенных [форм] являются общими и наиболее подходящими для всего.

Если род чего-либо дан, то необходимо, чтобы и соотнесенные [формы] рода были родами для соотнесенных [форм] вида. И если это так, то [положение] будет доказано; если же нет, то опровергнуто.

Ведь если данное как род одинаково следует за данным как видом и падеж рода – за падежом вида, то можно доказать, что данное как род действительно является родом. Например, падежом великодушия является «великодушно», а бесстрастия – «бесстрастно». Если «великодушно» – это «бесстрастно», то и великодушие – это бесстрастие. Но первое [верно], следовательно, верно и второе.

Снова мы опровергаем от падежей так: пусть требуется показать, что широта – не род быстроты. Возьмем непрерывный [силлогизм] от падежей: если широта – это быстрота, то и «широко» – это «быстро». Но «широко» – не «быстро», ибо правильно скорее «широко», а не «быстро». Следовательно, и широта – не быстрота.

Опять же, если неотесанность – это необразованность, то и «неотесанно» – это «необразованно». Но «неотесанно» – не «необразованно», а скорее «неумело». Следовательно, и неотесанность – не необразованность.

И если удовольствие – благо, то и «приятно» – это «благостно». Но «приятно» – не «благостно», ибо испытывать приятное – значит испытывать постыдное и дурное. Следовательно, и удовольствие – не благо.

И так – от падежей.

От соотнесенных [форм] мы доказываем так: соотнесенными называются такие [слова], как «мужество», «мужественный», «мужественно», «по-мужественному». Ибо и падеж «мужественный» находится среди соотнесенных [форм]. Поэтому топы от соотнесенных [форм] включают и топы от падежей, и сам [этот метод].

В примерах он использовал одно и то же для всех.

Подобным образом соотнесены «справедливость», «справедливый», «справедливо», «справедливое».

Итак, желая показать, что справедливость подчинена как вид добродетели, [возьмем] ее соотнесенные [формы]. Например, если «справедливое» – это «добродетельное», и «справедливо» – это «добродетельно», и «справедливый» – это «добродетельный», то и «справедливость» – это «добродетель».

Таким образом мы доказываем.

А опровергаем так, что удовольствие не подчинено полезному: если удовольствие – полезное, то и «приятно» – это «полезно», и «приятное» – это «полезное». Но «приятное» – не «полезное». Следовательно, и удовольствие – не полезное.

Или, если какое-то из соотнесенных [слов] противоречит более явно, возьмем его и покажем через него, что удовольствие – не полезное. Ведь все соотнесенные [формы] должны следовать одинаково.

Если удовольствие не полезно, то ясно, что оно не может быть и подчинено как вид.

Снова соотнесенные [формы]: «справедливость», «справедливое», «справедливый», «справедливо» – и «знание», «знаемое», «знающий», «знающе».

Если знание – род справедливости, то и «справедливое» должно быть подчинено «знаемому», и «справедливый» – «знающему», и «справедливо» – «знающе».

р. 124a15 Снова о том, что находится в подобном отношении друг к другу.

Этот топ подобен топу от соотнесенных [форм].

Ведь если некоторые [вещи] находятся в подобном отношении друг к другу, то если одно из них является родом другого, то и другое будет родом первого.

Например, поскольку «приятное» находится в таком же отношении к удовольствию, как «полезное» – к «благу» (ведь как «приятное» производит удовольствие, так и «полезное» могло бы производить благо), или, наоборот, если благо – род удовольствия, то и полезное будет родом приятного.

Это можно выразить и через аналогию.

Если, как благо относится к полезному, так удовольствие относится к приятному, то, переставляя, как ведущее [благо] к ведущему [удовольствию], так и следующее [полезное] к следующему [приятному].

Так что, как благо относится к удовольствию, так полезное относится к приятному.

Следовательно, если благо – род удовольствия, то и полезное будет родом приятного.

Однако сам [автор] не использовал аналогию, но привел утешение для доказываемого.

То, что полезное будет родом приятного, он утешительно пояснил, сказав: «Ясно, что оно будет производить благо, раз удовольствие – благо».

Ибо если удовольствие – благо, то его производящее (а это – приятное) будет производить некое благо.

А все, что производит благо, – полезно и подчинено как вид полезному.

Этот топ годится и для доказательства, и для опровержения.

Ведь если удовольствие не подчинено как вид благу, то и приятное не будет подчинено полезному.

И если, как упражнение относится к здоровью, так обучение – к знанию, но упражнение не подчинено обучению, то и здоровье не будет подчинено знанию.

р. 124a20 То же самое и относительно возникновений и уничтожений.

Он передает топы.

Ведь если возникновение чего-либо подчинено как вид возникновению другого, то и возникающее через него будет подчинено как вид тому, что возникает через производящий род.

То же рассуждение и об уничтожениях.

От возникновения (так): если строить – это действовать и быть подчиненным действию, то и построенное – это осуществленное и подчинено ему.

И если учиться – это припоминать и быть подчиненным как вид припоминанию, то и выученное будет подчинено припоминанию, как сказал Платон, называя учения припоминаниями.

Он принимает «строить» и «учиться» как возникновения: первое – строящегося, второе – учащегося.

Хотя строго говоря, строительство – это [возникновение] строящегося, а обучение – учащегося.

И сказанное можно выразить так: если «строить» имеет родом «действовать», то и «построенное» – «осуществленное».

И если учения – это припоминания, то и выученное – это «припомненное».

Кажется, примеры, которые он использует, подходят и к топам от соотнесенных [форм].

Ведь «строить» соотнесено с «построить», и «действовать» – с «осуществить».

Примером сказанного могут быть и такие [случаи]: если возникновение справедливости – не обучение, то и справедливость – не знание.

Но первое [верно], следовательно, и второе.

Так можно показать, что и ощущение не подчинено как вид знанию.

Ведь если возникновение ощущения – по природе, а возникновение знания – не по природе (ибо через обучение), то ощущение не будет знанием.

Ясно, что этот топ годится и для доказательства.

Ведь если возникновение геометрии – обучение, то и геометрия будет знанием.

Топ от уничтожения таков: если «разрушаться» – это «уничтожаться», то и «разрушенное» – это «уничтоженное», и «разрушение» – это «уничтожение».

Ведь «разрушаться» относится к «разрушенному» так же, как «уничтожаться» к «уничтоженному».

Так что, если одно – род другого, то и другое будет родом первого.

стр. 124a24 И относительно порождающих и разрушающих [способностей] – подобным же образом.

Он говорит, что так же, как [строятся рассуждения] на основании возникновения и уничтожения, можно строить их и на основании порождающих и разрушающих [способностей], а также на основании сил, употреблений и вообще всего, что имеет какое-либо сходство. Ведь рассуждения, построенные на всех таких [основаниях], подобны, но не тождественны. Возникновение – это такой вид изменения, а порождающее – причина такого изменения. То же самое относится к уничтожению и разрушающему. Можно сказать, что все подобные вещи имеют сходство друг с другом и по аналогии: как возникновение относится к возникшему, так действие – к совершенному действию; и как уничтожение – к уничтоженному, так разложение –

к разложившемуся; и как разрушающее – к уничтожению, так разлагающее – к разложению. Поэтому если одно подчинено другому, то и другое будет подчинено другому.

Так же сила относится к способности, как и состояние – к расположению. Следовательно, если сила по роду есть состояние, то и способность будет расположением.

Далее, как употребление относится к использованному, так и деятельность – к осуществлённому.

Все эти [отношения] подобны, поскольку они отнесены к чему-то одному: порождающее – к возникающему, возникновение – к возникшему, уничтожение – к уничтоженному, сила – к способному, употребление – к использованному, и так каждое из подобных [понятий] имеет отношение к чему-то. Поэтому и рассмотрение во всех случаях будет подобным и взаимосвязанным: все они могут быть выведены друг из друга по одному и тому же склонению.

Если разрушающее есть разлагающее, то и уничтожаться – значит разлагаться, а уничтожение – разложение. Подобно, если порождающее есть производящее, то и возникать – значит производиться, а возникновение – производство. И если что-то из этого не так, то и остальное тоже не так.

Все эти топы похожи на топы из соподчинённых [понятий], как было сказано ранее.

стр. 124a32 И если употребление чего-то есть деятельность.

Если пользоваться разумом значит действовать, и это подпадает под деятельность как род, то и использование разума будет подпадать под осуществлённое действие как род.

Подобно, если употребление добродетели (то есть деятельность или использование добродетели) есть действие, то и использование добродетели – осуществлённое действие.

стр. 124a35 Если же противоположное по виду есть лишение, то опровергать можно двояко.

Ранее он изложил топы, основанные на противоположностях (ибо если что-то противоположно по виду или по роду, то это служит и для опровержения, и для доказательства), а теперь излагает [топы], основанные на других противоположностях, и прежде всего – на противоположностях по наличию и лишению.

Он говорит, что есть два опровергающих топа, основанных на противоположностях по наличию и лишению. Первый из них таков: если противоположное есть лишение и лишение подпадает под какой-то род как вид, а наличие также подводится под него как ближайший род, то предложенный род не может быть родом для наличия.

Ведь лишение вообще не находится в том же роде, что и наличие, или, во всяком случае, не в ближайшем роде.

Если зрение есть в ближайшем роде – чувственном восприятии, то невозможно, чтобы слепота, будучи его лишением, также находилась в чувственном восприятии.

И если слепота находится в ближайшем роде – отсутствии восприятия, то невозможно, чтобы зрение находилось в отсутствии восприятия.

Таким образом, мы докажем, что незнание не есть род для наличия: ведь наличие есть род знания, а незнание – его лишение.

Однако в неродственном роде наличие и лишение могут находиться вместе.

Так можно показать, что порок не есть лишение добродетели, поскольку их ближайший род различен.

стр. 124a39 Во-вторых, если лишение противоположно и по роду, и по виду.

Второй опровергающий топ, основанный на лишениях, таков: если предполагаемое лишение противоположно и по роду, и по виду, но лишение, противоположное по виду, не подпадает под лишение, противоположное по роду, то предложенный род не будет родом для рассматриваемого [понятия].

Считается, что если противоположное находится в противоположном, то и противоположное должно находиться в противоположном, как и в случае контрарных [противоположностей].

Например, зрение находится в чувственном восприятии, поскольку слепота – в отсутствии восприятия.

Но зрение уже не находится в знании, поскольку и слепота не находится в незнании, которое есть лишение знания.

Таким образом, опровергать на основании лишений можно двояко, а доказывать – одним способом: если противоположное находится в противоположном, то и противоположное будет находиться в противоположном.

Если слух находится в чувственном восприятии, то и глухота – в отсутствии восприятия. стр. 124b7 Далее, в случае отрицаний следует рассматривать обратное, как говорилось о случайном.

Он переходит к противоположностям по противоречию и показывает, как на основании противоречия можно доказать род.

Обратно, говорит он, следует брать в топях, основанных на противоположностях по противоречию, как уже было сказано, когда речь шла о случайном.

Излагая в первой книге доказательный топ, основанный на противоречии, для случайного, он сказал так:

«Поскольку противопоставлений четыре, следует рассматривать из противоречий обратно, из следования и уничтожения, а из других противопоставлений – как в случае контрарных [противоположностей], и так строится доказательство».

Теперь он напоминает об этом, показывая на примере, как это делается обратно.

Если, например, положено, что удовольствие есть благо, то есть находится в роде блага, то следует обратно, исходя из отрицания блага (которое было предложено как род), приложить к нему отрицание удовольствия.

Если удовольствие есть благо, то не-благо не должно быть удовольствием.

Причину этого он объясняет, говоря:

«Невозможно, если благо есть род удовольствия, чтобы не-благо было удовольствием.

Ибо если бы что-то не-благо было удовольствием, то уже не всякое удовольствие подпадало бы под благо, и тогда благо не было бы его родом».

Но неверно, что не-благо не есть удовольствие: ведь есть не-благое удовольствие.

Следовательно, благо не есть род удовольствия.

Таким образом можно показать, что если родом блага является похвальное, то не-похвальное не есть благо.

Но есть не-похвальные блага, такие как здоровье, сила, богатство.

Опровергая, мы начинаем с того, что хотим опровергнуть:

«Если удовольствие есть благо, то не-благо не есть удовольствие».

Но второе [утверждение] ложно, ибо не-благо может быть удовольствием.

Следовательно, и первое [утверждение] ложно, а именно – что благо есть род удовольствия.

Доказывая же, мы исходим из обратного тому, что хотим доказать.

«Если не-добродетель не есть мужество, то мужество есть добродетель».

Первое [утверждение] истинно, следовательно, истинно и второе.

Поэтому опровержение будет строиться на втором, недоказуемом [утверждении], а доказательство – на первом.

Доказательное рассуждение правдоподобно, но не необходимо: ведь если верно, что не-белое не есть лебедь, то из этого ещё не следует, что белое есть род лебедя.

Поэтому этот топ более точен для случайного, чем для рода.

р. 124b15 Если же вид относится к категории относительного.

Он переходит к противоположным случаям в категории относительного и из этого выводит несколько топов. Первый таков: если то, что принимается за вид, относится к какому-либо роду относительного, то и род должен быть относительным. Следовательно, если приписываемый род не является относительным, а вид – относительным, то принимаемое за его род не будет родом. Ведь у относительного и роды считаются относительными. Например, двойное, будучи относительным, подпадает под многократное, которое само является относительным, и знание, будучи относительным, подпадает под мнение, которое также относится к относительному. Однако количество не есть род равного, потому что равное – относительное, а количество – не относительное. Он говорит, что если вид – относительное, то и род должен быть относительным, но если род – относительное, то не обязательно, чтобы и вид был относительным. Например, знание, будучи относительным, является родом грамматики, геометрии, музыки, ни одна из которых не является относительной. Этот топ полезен только для опровержения: ведь не обязательно, если оба взятых понятия относительны, одно должно быть родом другого, как в случае знания и двойного. Возражение против этого топа состоит в том, что если вид относительный, то и род должен быть относительным, что неверно: ведь добродетель, будучи относительной, подпадает под прекрасное и благое как роды, ни одно из которых не относится к относительному. Следовательно, добродетель скорее относится к качеству, чем к относительному. Можно также возразить, что указанные понятия вообще не являются родами добродетели: ведь благое не род, если оно омонимично, и прекрасное не род добродетели, поскольку добродетель первична по отношению к своим собственным действиям, а прекрасное, как считается, приписывается только им.

р. 124b23 Далее, если вид не обозначается в отношении того же самого.

Второй опровергающий топ, связанный с относительным, он передает нам следующим образом: то, в отношении чего вид обозначается сам по себе, в отношении того же должно обозначаться и по роду. Например, поскольку двойное само по себе относится к половине (ибо оно – половины), то и по роду оно относится к тому же: двойное называется многократным половины, ведь двойное есть многократное. Это и означает сказанное (не так, как могло бы показаться из слов) – «как двойное половины, так и многократное половины». Если же нечто, обозначаемое как относительное, не может обозначаться в отношении того же самого и по приписанному ему роду, то приписанное не будет его родом. Таким образом, можно показать, что способность не есть род зрения, ибо зрение само по себе обозначается как зримое, но уже не как способность: ведь зрение не называется способностью зримого. Точно так же можно показать, что и привычка не есть род зрения, ибо зрение есть зрение зримого, но зрение не называется привычкой зримого.

К сказанному он добавляет, что не только по роду, но и по всем родам рода должно обозначаться в отношении того же самого. Например, двойное не только называется двойным половины и не только многократным половины, но и превышающим (что есть род многократного), и большим (что еще более общее). Следовательно, недостаточно для доказательства, что знание есть род зрения, того, что зрение называется знанием зримого: ведь если оно не называется расположением (что есть род знания), то знание не будет его родом.

Возражение против этого топа состоит в том, что он не вполне верен: знание само по себе обозначается как знаемое, но не обозначается по роду в отношении того же самого. Ведь ее род – привычка, а его род – расположение, но знание не называется ни привычкой знаемого, ни расположением знаемого, а привычкой души и расположением души. Привычка и расположение двояки: они обозначаются и как принадлежащие обладающему ими (например, душе), и как охватывающие подчиненное им.

р. 124b35 Далее, если род и вид обозначаются неясно в падежах.

И этот топ связан с относительным. Поскольку считается, что род и вид относительного одинаково обозначаются в падежах (если вид чего-то, то и род чего-то: например, двойное чего-то – ведь оно есть доля, и превышающее аналогично чего-то – ведь оно превышаемое, и большее – меньшего; аналогично знание чего-то, привычка, расположение и мнение чего-то; и точно так же, если чему-то: как известное чему-то – знанию, так и удерживаемое – привычке, и предполагаемое – предположению), то если обозначенное как вид и как род не согласуются в падежах, приписанное не будет родом.

Поэтому, если кто-то поставит волю как род друга, то, используя сказанное, мы докажем, что воля не есть род друга: ведь воля и друг обозначаются в разных падежах по отношению к другому. Воля обозначается в родительном падеже (воля чего-то – воля желаемого), а друг – в дательном. Аналогично можно показать, что прибавление не есть род увеличения, ибо увеличение – чего-то (ибо оно – увеличиваемого), а прибавление – не чего-то, а чему-то (ибо оно – прибавляемому).

Возражение против этого топа состоит в том, что он не вполне корректен: ведь не у всех относительных род и вид обозначаются в одинаковых падежах. Например, противоположное чему-то (ибо оно – противоположному), и различающееся аналогично (ибо оно – различающемуся), но иное, будучи родом обоих, обозначается как чего-то, а не чему-то: иное есть иное другого.

р. 125a5 Снова, если соотнесенные [термины], выражаемые через падежи, не обращаются подобным же образом.

И этот топ также исходит из категории соотнесенного. Поскольку все соотнесенное, как считается, выражается через взаимно обратные [термины], если же обратные [термины] не обращаются через те же падежи, то [термин], представленный как род, не будет родом. Даже если сам он и то, что представлено как его вид, выражаются через одни и те же падежи по отношению друг к другу, все равно предложенный [термин] не будет родом, если обратные [термины] для него как для рода и для него как для вида не выражаются через те же самые падежи.

Часто оба [термина] выражаются через одни и те же падежи: например, «двойное чего-то» и «многократное чего-то», а также «превосходящее». И обратные им [термины] также выражаются через те же [падежи]: «меньшее чего-то» – «меньшее», «превосходимое чем-то» – «превосходимое», «часть чего-то» – «часть»; подобным же образом и «половина».

Но в некоторых случаях род и вид выражаются через один падеж, а обратные им [термины] – через другой, хотя между собой они обращаются через тот же [падеж], как в случае знания и представления:

- знание есть чего-то (ибо оно есть знание познаваемого),
- и его род, представление, также есть чего-то (если оно есть представление представляемого).

Но обратные им [термины] выражаются через другие падежи, а не через те же, что и они, хотя между собой они используют те же [падежи]:

- познаваемое, что обратно знанию, выражается через дательный падеж (знание познаваемого),
- и представляемое, обратное представлению, аналогично:
оно не есть чего-то представляемое, но чему-то – представлению.

Итак, когда обратные [термины] не соотносятся одинаково, предложенное как род будет опровергнуто.

Например, если кто-то предложит, что родом для «большого» является «превосходящее», то, поскольку обратные им [термины] выражаются не через одинаковые падежи (меньшее – чего-то, ибо оно меньше большого, а превосходимое – чем-то, ибо оно превосходитя превосходящим), то «превосходящее» не может быть родом для «большого».

Стратон, однако, добавляет к этому топу еще один:

если сами [термины] (предложенный род и вид) выражаются через одинаковые падежи, но то, к чему они относятся, в одном случае обратно, а в другом – нет, то, по его словам, предложенное не будет родом.

Он использует пример с «недостатком» и «нуждой»:

если кто-то называет «нужду» родом для «недостатка», то, хотя оба они выражаются через один падеж (недостаток – чего-то, ибо он есть недостаток избытка, и нужда – чего-то, ибо она есть нужда в достаточном), но то, к чему они относятся, не обращается взаимно:

– избыток есть чего-то (ибо он есть избыток недостатка),

– а достаточное уже не обратно (достаточное не называется «достаточным нужды»).

Следовательно, «нужда» не может быть родом для «недостатка».

Но, желая проявить изобретательность, он незаметно опровергает нечто большее:

ибо он ставит под сомнение то, что все соотнесенное выражается через взаимно обратные [термины].

Причина его ошибки в том, что он неверно понимает, как «нужда» соотносится с «достаточным»:

ведь «нужда» есть нужда нуждающегося и как соотнесенное выражается именно к нему.

р. 125a14 Снова, если род и вид выражаются не к равному.

Поскольку среди соотнесенного одно выражается к одному, а другое – ко многому:

– к одному – «двойное» (ибо только к «половине»),

– и «многократное» (ибо оно также к одному – к «доле»),

– а ко многому – «превосходящее» (ибо оно превосходит и что-то, и чем-то),

то если род и вид выражаются не к равному, но один – ко многому, а другой – к одному, предложенное не будет родом.

Считается, что род и вид выражаются к равному, как в случае «дара» и «дачи»:

– оба они выражаются и кому-то, и чего-то,

– поэтому нельзя опровергнуть, что «дача» есть род для «дара» (ибо «дар» называется «безвозвратной дачей»).

Если же они выражаются не к равному, мы можем опровергнуть предложенный род с помощью этого топоса.

Например, если кто-то предложит, что родом для «гнева» является «желание», то, поскольку «желание» выражается к одному (чего-то), а «гнев» – и чего-то, и кому-то, то «желание» не может быть родом для «гнева».

Подобным же образом мы покажем, что «похвала» не есть вид «слова»:

– ибо «слово» есть чего-то только,

– а «похвала» – и чего-то, и о чем-то.

Возможно, однако, как он сам говорит, этот топос не истинный, а лишь правдоподобный.

Ведь есть общепризнанные роды некоторых [терминов], которые выражаются к неравному с ними, как, например, «превосходство», «многократное» и «двойное»:

– эти [последние] выражаются к одному,

– а «превосходство», будучи их родом, выражается к двум (чего-то и чем-то).

И «подражание» есть чего-то только, будучи родом для «соревнования», а «соревнование» – и чего-то, и за что-то.

Но и «слово», будучи родом для «похвалы», не выражается к равному, как было сказано.

р. 125a25 Наблюдать также, является ли противоположное противоположного родом.

Этот топос также исходит из категории соотнесенного.

Если что-то предложено как род для чего-то, и оба они – соотнесенные, то следует проверить, является ли противоположное для вида (а противоположное ему – это то, к чему оно относится) родом для противоположного роду.

Если это не так, то и противоположное противоположного не будет родом.

Ибо считается, что противоположное виду всегда находится в противоположном роде (если у него есть противоположное), а соотнесенные имеют противоположности в том, к чему они относятся.

Например:

- родом для «двойного» является «многократное»,
- ибо родом для «половины» является «доля»;
- родом для «знания» является «представление»,
- ибо родом для «познаваемого» является «представляемое».

Если же кто-то предложит, что родом для «знания» является «ощущение», мы сможем опровергнуть это, указав, что противоположное для «ощущения» – «ощущаемое» – не является родом для противоположного «знанию», то есть «познаваемого» (ибо «ощущаемое» не есть род для «познаваемого», поскольку многое умопостигаемое является познаваемым).

Этот топ можно использовать и для подтверждения:

если показать, что противоположное предложенному как роду является родом для противоположного виду, то предложенное будет родом.

р. 125a33 Поскольку из того, что говорится относительно чего-то, одно необходимо находится в том, относительно чего оно говорится, или относится к нему.

И он предлагает ещё один подход, исходя из относительного. Вот что он говорит: из относительного одно необходимо находится в том, относительно чего оно говорится, или относится к нему, как, например, сложение, говоримое относительно составленного, необходимо находится в составленном, относительно чего оно говорится; подобным же образом и симметрия – ибо она в симметричном, относительно чего говорится; но и пребывание, будучи состоянием пребывающего, необходимо находится в пребывающем.

Возникнет, однако, вопрос о состоянии, который он сам и поставил: находится ли оно необходимо в том, относительно чего говорится? Ведь состояние говорится как принадлежащее обладаемому, но оно не в обладаемом, а в душе или в том, что им обладает, если только кто-то не скажет, что состояние относится к обладающему им, а не к обладаемому, как он и сам ранее сказал.

Другое же не необходимо находится в том, относительно чего говорится, но может быть в нём. Таково знание: оно говорится относительно познаваемого, однако не находится в познаваемом (по необходимости), но по необходимости – в душе, хотя может быть и в познаваемом, относительно чего говорится. Ибо в душе есть знание, даже если оно о ней самой; таким образом, знание будет в познаваемом – именно то, которое принадлежит душе, но не всякое, ибо не всякое знание находится в познаваемом. Ведь не всякое познаваемое имеет душу: то, что два угла треугольника равны двум прямым, познаваемо, но не является душой. Поэтому знание этого не находится в познаваемом. Ибо когда знание знает не само себя, а что-то иное, тогда знание не будет в познаваемом. Ведь знание музыки говорится относительно познаваемого, каковым оно является, но не находится в нём, если всякое знание – в душе.

Возможно, лучше вместо «ибо возможно, чтобы то же самое находилось и в другом» было написано «ибо возможно, чтобы то же самое было и другим», то есть знанием; ибо не только душа познаваема. Может быть, и само «ибо возможно, чтобы то же самое находилось и в другом» сказано как равное «ибо возможно, чтобы оно было и в другом», то есть чтобы знание было иным чего-то и принадлежало иному из познаваемого, а не только душе.

Некоторые же вообще не могут находиться в том, относительно чего говорится, как, например, противоположное: ибо невозможно, чтобы оно было в нём, иначе одновременно существовали бы противоположности. Но и двойное не в половине, подобно тому как и превышающее не в превышаемом.

Таким образом, поскольку в относительном есть такое различие, то для одних роды будут таковы, что они необходимо находятся в том, относительно чего говорится, для других –

не необходимо, но могут быть в них, и их роды подобным же образом находятся в них, а для тех, что не могут быть в том, относительно чего говорится, их роды также таковы. Например, симметрия и равенство: оба находятся в том, относительно чего говорится; и состояние, и расположение: ибо они также находятся в том, в чём есть, и относительно этого говорится.

С другой стороны, знание и представление: ни одно из них не необходимо находится в том, относительно чего говорится, но может иногда быть в нём; подобным образом и восприятие, и ощущение.

Двойное же подпадает под многократное и превышающее, а противоположное – под иное, потому что в них ничто не может находиться в том, относительно чего говорится.

Если, таким образом, некий род чего-то определён, сам он необходимо находится в том, относительно чего говорится, а то, для чего он определён, не таково, или наоборот, то это можно опровергнуть и показать, что приписанный род не есть род: ибо такой вид следует относить к такому и подобному роду.

По этой причине, если кто-то назовёт родом памяти пребывание, говоря, что память есть пребывание знания, он неправильно определит, ибо пребывание, будучи относительным, необходимо находится в том, что пребывает (ибо пребывание – в пребывающем), а память не в том, что есть память (ибо всякая память – в душе, но не всякая память есть душа).

Если, следовательно, память есть пребывание знания, то она будет в знании; ибо если всякое пребывание – в том, что пребывает, то и пребывание знания будет в знании. Но это нелепо: ибо память не в знании, а в душе.

Он показал, как необходимо, чтобы вид находился в том же, в чём и род; ибо добавляемое отличие не переносит род, а указывает, в чём именно состоит общее высказывание; вид же есть род вместе с отличием.

Таким образом, можно показать, что память – не сохранение ощущения. Ибо сохранение ощущения – в ощущении (всякое сохранение – в том, что сохраняется), а память не в ощущении, а в душе (ибо не ощущения помнят).

Но также и то, что страсть не есть род стремления (как определяют его те, кто говорит, что стремление есть неразумная страсть), можно показать через этот подход. Ибо если всякое стремление относится к достижимому и говорится относительно него, но стремление не в достижимом, а в душе, то оно не будет в том, относительно чего говорится; страсть же, будучи страданием претерпевающего, необходимо находится в претерпевающем, относительно чего говорится.

Потому разумнее называть его движением: ибо как страсть – в том, относительно чего говорится, так и движение (ибо движение – в движущемся, относительно чего и говорится).

Они же называют движением род страсти, определяя страсть как движение души под действием приятного или мучительного.

Если, таким образом, стремление есть стремление стремящегося, то оно будет в нём, относительно чего говорится.

Он говорит, что указанный подход общий и для привходящего. Ибо если пребывание будет приписано памяти не как род, а как привходящее, последует нелепость: ибо когда память присуща знанию, тогда по необходимости память будет в знании, что нелепо говорить (ибо всякая память всегда в душе).

р. 125b15 Снова, если он отнесет состояние к деятельности или деятельность к состоянию.

Передаваемый топос таков: кажется, что для состояний родом является состояние, а для деятельностей – деятельность. Поэтому если кто-то переставит их местами и представит родом для состояния деятельность или для деятельности – состояние, то он дает определение неверно; следовательно, данное как род будет опровергнуто. Так ошибается тот, кто называет движением род ощущения: он представил родом для состояния деятельность, ведь ощущение – это

состояние, а движение – деятельность. Ведь ощущение в действии – это движение, но не просто [движение].

Опять же, тот, кто определяет память как «сохраняющее состояние», относит деятельность к роду состояния. Ведь память – это деятельность, а не состояние: память в собственном смысле возникает как деятельность при воспоминании. Так говорят те, кто определяет ее как «сохраняющее состояние представления».

Он также говорит, что ошибаются и те, кто относит состояния к родам способностей, которые их сопровождают. Есть некоторые способности, которые, как кажется, сопровождают определенные состояния и которыми можно было бы воспользоваться, если бы оказались в том [положении], для чего эти способности полезны. Однако они не входят в их сущность; поэтому они могли бы быть в них лишь по предположению.

Так, кротости, будучи состоянием, по предположению сопутствует способность сдерживать чрезмерный и неуместный гнев, если он возникнет. Ведь кротость – это отсутствие такого гнева, но можно сказать, что она обладает такой способностью, что, даже разгневавшись, [кроткий человек] сможет сдержать страсть. Таким образом, эта способность следует за кротостью по предположению: если он разгневается, то сдержит [гнев].

Если же кто-то представит родом кротости воздержанность и определит ее как «воздержанность от гнева», то он дает определение неверно. Ведь то, что следует за чем-то по предположению и таким образом, как мы указали, не может быть родом. Род неотделим [от вида], а в случае кротости воздержанность от гнева проявляется не всегда, а лишь если [человек] разгневается – тогда, когда он уже не является [кротким] в собственном смысле.

Подобным образом ошибается и тот, кто называет мужество «воздержанностью от страхов» или справедливость – «воздержанностью от прибылей». Ведь мужественный [человек] в собственном смысле – бесстрашный, подобно тому как кроткий – негневлистый, и о них говорят как о не подверженных таким страстям. Воздержанный же называется так не по отсутствию страсти, а по тому, что, испытывая [страсть], не подчиняется ей. И справедливость скорее состоит в воздержании от прибылей, чем в воздержанности [по отношению к ним].

Если род находится в сущности [вещи], а то, что следует по предположению, приписывается ей как сопровождающее, то эти [свойства] не могут быть их родами.

р. 125b28 Иногда же и просто сопутствующее каким-либо образом принимают за род.

Поскольку роды сопутствуют видам, если кто-то станет представлять просто сопутствующее как их роды, то он ошибается. Ведь не всё, что как-то сопутствует, является родом.

Так, гневу сопутствует печаль, но не как род, как думают некоторые. Ведь гнев – это не печаль, и печаль, сопровождающая гнев, существует не потому, что есть гнев, а потому, что печаль порождает гнев. Ведь печаль возникает раньше гнева: когда кто-то огорчается, чувствуя себя обиженным, он гневается.

Но род – это не то, что существует во времени раньше вида. Ведь сначала не возникает животное, а затем из него – человек, но человек одновременно и животное, и животное в человеке существует потому, что он человек.

А то, что «гнев вообще не есть печаль», сказано в том смысле, что «печаль не входит в сущность гнева». Ведь то, что производит что-то и существует раньше во времени, – не род.

Подобным образом ошибаются и те, кто представляет представление родом веры. Ведь вере сопутствует представление: вера – это представление, ибо невозможно, чтобы вера возникала без представления. Однако представление не может быть родом веры. Это он [Аристотель] очень искусно показал тем, что одно и то же представление может иногда быть верой, а иногда – нет. А это невозможно для рода: ведь невозможно, чтобы одно и то же животное иногда было человеком, а иногда – нет, или чтобы один и тот же цвет иногда был белым, а иногда – нет. Ведь если человек изменяется, он уже не животное.

Следовательно, и одно и то же представление, не будучи связанным с верой, не может оставаться [представлением] в вере. Ведь род уничтожается вместе с тем, в чем он находится, если оно уничтожается. А представление и раньше существовало без веры, и, изменившись так, что перестало быть верой, оно все же остается представлением. Ведь ничто не мешает кому-то, имея одно и то же представление о чем-то, иногда верить в это, а иногда – нет. Например, имея представление о том, что душа бессмертна, никто не мешает ему сначала верить в это, а потом, по каким-то причинам, перестать верить.

То же самое, что сейчас сказано о вере и представлении, было сказано и о гневе и печали. Ведь и в их случае одна и та же печаль может быть и без гнева, и с гневом.

Если же кто-то не согласится, что возможно иметь одно и то же представление, иногда веря в него, а иногда – нет, полагая, что тот, кто имеет представление, обязательно и верит, то он согласится через это, что представление – не род веры. Ведь вера и представление возникают одновременно, если вера – это представление, и всякий, кто имеет представление, верит. Но род и вид не существуют одновременно.

р. 126a3 Тот, кто видит, а также если оба [признака] по природе могут находиться в одном и том же.

Он говорит, что если некоторый род был приписан [чему-то], то нужно также проверить, может ли и то, что было принято за вид, и то, что было приписано как его род, по природе находиться в одном и том же. Ибо там, где находится вид, там же должен быть и род. Например, там, где белое, там же и цвет, ибо оба находятся в теле; и там, где грамматика, там же и знание, ибо оба находятся в душе. Если же приписанный род чего-то не находится в том же самом, где и вид, а в другом, то он будет опровергнут в соответствии с этим местом, и будет показано, что он не является родом. Так, если кто-то приписывает страх как род стыду или печаль как род гневу, он делает это неправильно, ибо стыд находится в разумной части [души], страх – в яростной, печаль – в воделеющей (ведь и удовольствие, которого желает воделеющее, находится там), а гнев – в яростной. Подобным образом будет показано, что и желание не является родом дружбы, если желание находится в разумной части, а дружба – в воделеющей.

Но как он сказал, что стыд находится в разумной части, стоит исследовать, ведь стыд – это страсть, а страсти возникают в страдательной части [души]. Либо он использовал пример упрощенно и обобщенно, либо из-за стыдливости: ибо кажется, что стыд связан с некоторым рассуждением. Даже если стыд находится в воделеющей части, а страх – в яростной, и тогда [страх] не будет родом [стыда].

То, что печаль находится в воделеющей части, он показал через противоположное, сказав: «Ведь и удовольствие [находится] там». А дружба, возможно, названа им как некое влечение. Таким образом, и мужество – не знание: ибо [мужество] находится в неразумной части, а знание – в разумной.

Он говорит, что это место полезно и для [опровержения] привходящего: ибо кажется, что и привходящее, и то, чему оно присуще, находятся в одном и том же. Но это говорится о тех случаях, когда подлежащие [признаки] по природе находятся в разных [вещах]. Ведь тело и цвет не находятся в одном и том же.

Но там, где гнев, там же и кипение, которое присуще гневу. И там, где поверхность, там же и цвет, который присущ поверхности. И там, где цвет, там же и зрение, которое присуще цвету.

Так что сказанное относится не только к душевным состояниям и страстям, но и вообще ко всему, что по природе находится в разных [вещах]. Поэтому если что-то приписывается как привходящее [признаку], но не находится в том же самом, оно не будет привходящим.

Как же тогда краснота присуща стыдящимся? Ведь они не в одном и том же: краснота – на поверхности. Или бледность – боящимся?

р. 126a17 Далее, если вид причастен указанному роду лишь отчасти.

Не одинаково, если что-то причастно роду и привходящему: привходящему можно причастовать и отчасти, как тело причастно белому, подобно и человек. Но роду – невозможно: ибо человек не причастен животному отчасти, ибо он не есть животное отчасти, и грамматика не есть знание отчасти.

Если поэтому что-то приписано как род, но приписанное причастно ему лишь отчасти, мы опровергнем это. Так, если кто-то приписывает чувственное как род животному, то, поскольку животное причастно чувственному лишь отчасти (ибо оно чувственно по телу и поверхности, но не по душе), это не будет его родом.

Подобным образом и если [приписать] видимое: ибо [животное] чувственно и видимо по телу и поверхности, но не по душе.

Некоторые также ошибаются, приписывая часть как род целому: ибо часть не сказывается о целом, а род, очевидно, сказывается. Так поступают те, кто определяет животное как одушевлённое тело: ибо они помещают животное в род тела, которое есть его часть.

Подобно и утверждение, что глина есть земля, смешанная с влагой.

р. 126a30 Смотреть также, не поместил ли он что-то из порицаемого или избегаемого в возможность или способность.

Поскольку всякая способность, называемая по природе, считается благом, он предлагает использовать это место для опровержения родов.

Если кто-то приписывает способность как род чему-то порицаемому или избегаемому, мы опровергнем это: ибо невозможно, чтобы род зла был благом.

Так, если кто-то определяет вора, софиста или клеветника, говоря, что клеветник – это тот, кто может клеветать и делать друзей врагами, вор – тот, кто может тайно похищать чужое, а софист – тот, кто может извлекать выгоду из мнимой мудрости.

Но никто из них таков не из-за способности, а из-за выбора: ибо всякий дурной таков по своему выбору. Ведь и добрые имеют способность совершать дурное, но не совершают его, ибо не выбирают так.

Он также сказал более резко, что и боги могут [творить] зло.

[Следовательно, способность не может быть родом чего-то порицаемого.]

Далее, всякая способность есть благо: ибо даже способность к злу есть благо – не только потому, что она же есть и способность к добру (ибо противоположным [вещам] присуща одна и та же способность), но и потому, что тот, кто может [творить] зло, но не выбирает его, есть благо. Ибо неспособность [творить] зло [присуща] даже неодушевлённым.

Но ничто благое не может быть родом зла. Ибо если оно сказывается о злом и содержится в нём, оно не может быть благом. Следовательно, и целое [не может быть благом].

Ибо если вид порицаем, то и род будет порицаем, а если [вид] благ, то и [род] благ.

Упомянув в качестве примера софиста, клеветника или вора, он привёл только пример вора, связав предыдущее с «тем, кто может тайно похищать чужое».

И потому выражение кажется менее ясным. Но от примера с вором можно перейти и к другим, по аналогии перенося способность.

р. 126a4 И если что-то из ценного или выбираемого ради него самого он поместил в способность или возможность, или действенность.

Не только порицаемое не следует помещать в род способности, но и то, что выбирается и ценится ради себя самого.

Ибо способность есть инструментальное благо, а всё такое выбирается ради другого.

Всё, что является инструментальным или действенным благом, выбирается ради другого: ради того, что им производится.

Поэтому для того, что выбирается и ценится ради себя самого, такое [как способность] не может быть родом.

Ибо всякая способность и всё, что возможно или действенно, выбирается ради другого.

Через это он показал, что для того, что выбирается ради себя самого, способность не есть род, ибо всякая способность выбирается ради другого.

Не всегда, конечно, для того, что выбирается ради себя самого, и роды выбираются ради себя: например, если добродетель выбирается ради себя, то её род – состояние – не выбирается просто ради себя, ибо и порок есть состояние.

Но оно выбирается и ради себя: насколько в добродетели есть состояние, таково оно и есть.

А в способности нет ничего, что выбиралось бы ради себя, ибо всякая способность выбирается ради другого.

Умозаключение таково:

Всякая способность выбирается ради другого.

Ничто из выбираемого ради себя не выбирается ради другого.

Следовательно, способность не есть род того, что выбирается ради себя.

Ясно же он показал, каковы блага как способности: как орудия, они суть блага ради другого.

Если же кто-то назовёт благоразумие способностью, производящей пользу, то он поместит то, что выбирается ради себя, в род того, что выбирается ради другого.

стр. 126b7 Или если что-либо из того, что относится к двум родам или более, помещают в один из них.

Если кто-то помещает нечто, относящееся к двум родам одновременно, только в один из них, то и в этом случае он неверно определяет род. Есть нечто, что относится одновременно к двум родам, например, «лицемер» и «клеветник»: каждый из них относится и к способности выбирать такие действия, и к способности совершать их. Ведь ни тот, кто имеет только выбор обманывать или клеветать, не является лицемером или клеветником, ни тот, кто имеет только способность к этому. Если же кто-то помещает каждого из них либо в способность к таким действиям, либо в выбор, он не определит род ни того, ни другого. Ведь ни тот, кто относится только к выбору, не был бы таковым, ни если бы кто-то поместил таких людей только в способность, это было бы неверно по указанной выше причине. То же самое можно сказать и о воре, и о других упомянутых случаях.

Можно также спросить, возможно ли вообще относиться к двум родам, если они не подчинены друг другу или не объединены под одним общим родом. Кажется, что ни выбор, ни способность не подчинены друг другу и не объединены под одним родом, если только кто-то не скажет, что оба относятся к качеству. Или же это некий общий род, составленный из обоих, но безымянный. Многие роды остаются безымянными под одним именем.

стр. 126b13 Иногда, наоборот, род выдают за видовое отличие.

«То, что вид не следует помещать в род как видовое отличие, уже было показано в первых рассуждениях: ведь род указывает на сущность, а „ни одно видовое отличие не указывает на сущность, но скорее на некое качество“, как было сказано».

Теперь же речь идет не просто о тех, кто помещает вид в род как видовое отличие, но и о тех, кто принимает род за видовое отличие определяемого. Ведь если кто-то, давая определение, выдает род за видовое отличие, а видовое отличие – за род, то очевидно, что он ошибается, и ясно, что мы отвергнем такое определение, поскольку оно неверно указывает род, используя этот прием.

Так поступают те, кто определяет «изумление» как «превышение удивительности». Ведь тот, кто так определяет, принимает «превышение» за род изумления, что неверно: превышение – не род изумления, а его видовое отличие, тогда как род – «удивительность». Ведь среди удивляющихся одни удивляются чрезмерно, как изумленные, другие – умеренно. А удивляться чрезмерно – значит изумляться. Следовательно, указанный род неверен.

Подобная ошибка – определять «веру» как «силу убеждения». Ведь и здесь тот, кто так определяет, принимает «силу» за род, а «убеждение» – за видовое отличие, тогда как должно быть наоборот: «убеждение» – это род, а «сила» – видовое отличие. Ведь среди убеждений одни сильные, другие умеренные – это и есть видовые отличия убеждения. А вера – это сильное убеждение.

То, что ни «превышение», ни «сила» не являются родами указанных понятий, доказываем так: «превышение» и «сила» относятся к тем вещам, к которым они присущи (всякая сила есть сила того, чья она есть, например, сила ветра – в ветре, сила стрелы – в стреле; подобно и превышение: превышение белого – в белом, превышение сладкого – в сладком).

Сила чего-то принадлежит тому, чья она есть, и превышение чего-то точно так же принадлежит тому, чье оно есть. Ведь превышение – в превышающем, подобно и сила – в том, что обладает силой. Следовательно, превышение удивительности будет в самой удивительности, а сила убеждения – в самом убеждении.

Поскольку изумление – это превышение (ибо это его род), а вера – сила, то изумление будет в удивительности, а вера – в убеждении. Но если так, то то, в чем удивительность, будет удивляться, и то, в чем вера, будет верить. Тогда удивительность будет изумляться, а вера – верить, будучи одушевленными, ибо это качества души. Но это невозможно. Следовательно, ни превышение не есть род изумления, ни сила не есть род веры.

Далее он говорит, что тому, кто так определяет, придется говорить о «силе силы» и «превышении превышения», то есть о силе силы и превышении превышения.

Доказывается это так: если есть некая сильная вера (ибо вера имеет видовые отличия, и среди них есть сильные и несильные), а в целом вера есть сила (если сила – ее род), то получится, что есть некая сильная сила.

Подобно, если изумление есть некое превышение (ибо есть такие изумления), а в целом изумление – превышение, то получится превышение превышения.

Но ни то, ни другое невозможно, так же как невозможно, чтобы знание само было знающим или движение – движущимся. Ведь не движение движется, а движимое; не знание есть знаемое или знающее, а знание принадлежит знающему.

Точно так же превышение – не превышение превышения, а превышение превышающего; подобно и сила – не сила силы.

Все такие вещи принадлежат другому и находятся в другом, и ни одна из них не существует сама по себе. И ни одна из них, будучи присуща чему-то, не может быть приписана себе самой.

Например, знание делает обладающего им знающим, но само знание не является знающим (знание не знает).

Подобно и движение сообщает обладающему им свойство двигаться, но само не движется.

Так и превышение сообщает обладающему им свойство превышать, но само не превышает и не является превышающим.

То же рассуждение применимо и к силе.

Более того, если бы эти понятия приписывали себе то, что они приписывают тому, в чем находятся, это привело бы к бесконечному regressus, как было показано в «Физике».

Ведь если сила силы есть сила, и у этой силы в свою очередь есть сила, и так до бесконечности – то же самое и с превышением: если превышение превышения есть превышение, то у этого превышения есть свое превышение, и так до бесконечности.

стр. 126b34 Иногда ошибаются, помещая страдание в род того, что страдает.

Он говорит, что некоторые ошибаются, принимая страдание чего-то за его вид и относя к его роду то, что страдает, как если бы кто-то назвал тело родом цвета (ведь цвет – страдание тела). Поэтому тело не есть род цвета.

По той же причине душа не есть род знания, убеждения, желания, печали или гнева.

Такое делают те, кто определяет бессмертие как вечную жизнь, относя жизнь к роду бессмертия. Но бессмертие – это страдание или сопутствующее свойство жизни.

То, что бессмертие есть страдание или сопутствующее свойство жизни, он показывает, предполагая, что смертное становится бессмертным. Ведь смертное становится бессмертным не путем принятия другой жизни, но как бы через некое сопутствующее свойство или страдание: та же самая жизнь, претерпев изменение, становится бессмертием.

Если жизнь, претерпев страдание, становится бессмертием, то бессмертие есть страдание жизни.

Следовательно, если то, что страдает, не есть род страдания (ибо страдание – это сопутствующее и случайное свойство страдающего, а не его вид), то и жизнь не есть род бессмертия.

Так же тело не есть род сладости, а душа – род удовольствия или печали.

Даже если кто-то не согласится, что бессмертие есть страдание жизни, приведенный аргумент остается верным, а пример может быть объяснен иначе.

Если же бессмертие не есть страдание жизни, то оно будет ее видовым отличием. Ведь видами разумного животного являются человек и бог, а их отличие – в смертности и бессмертии.

Но если бессмертие – видовое отличие жизни, то и в этом случае жизнь не есть ее род (ибо уже было сказано, что ошибаются и те, кто помещает видовое отличие в вид).

Признаком того, что это страдание, а не вид, служит то, что род, будучи помещенным в основу, остается тем же самым по числу, но, приняв некое страдание или изменившись через страдание, становится таковым.

Но это невозможно для родов: если предположить, что человек превращается в животное, то то же самое животное, которое было в человеке, не может стать животным, изменившись через страдание.

стр. 127a3 Снова, если то состояние, чьим состоянием оно является, говорят, что оно претерпевает.

Сказанное означает: он утверждает, что ошибаются подобно ранее упомянутым и те, кто говорит, что состояние есть то, чьим состоянием оно является, претерпевающее; ибо те, кто так делает, вновь называют родом претерпевшее состояние. И может показаться, что это место иное, чем предыдущее, отличающееся от него лишь способом понимания. В ранее упомянутом просто было родом претерпевшее состояние, здесь же добавлен и способ понимания: ибо те, кто говорит, что состояние, чьим состоянием оно является, есть то претерпевшее, и так определяя, называют претерпевшее родом состояния. Если, например, ветер есть состояние воздуха, как ему самому кажется и как он далее скажет (он называет ветер движущимся воздухом), то определяющий ветер как движущийся воздух, чьим состоянием он является (а он есть состояние воздуха), утверждает, что это претерпевает; ибо движение есть претерпевание; таким образом, претерпевшее становится родом состояния.

Что ветер есть состояние воздуха, он доказывает тем, что сам воздух остается численно тем же и сохраняется, когда он движется и когда не движется, подобно тому как незадолго до этого он показал, что и бессмертие есть состояние жизни. Эти места не те же самые, и различие между ними не только в выражении, как кажется, но первое – это указание на ошибку тех, кто так определяет, и по неведению помещает состояние в претерпевшем; потому и сам он сказал так: «иногда ошибаются и те, кто помещает состояние в род претерпевшего»; потому и ограничился в том месте тем, чтобы показать, что бессмертие есть состояние жизни, показав, в чем они ошиблись.

Во втором же случае он берет тех, кто знает, что состояние помещается в род претерпевшего, говоря, что ветер есть движущийся воздух; потому и опровергает их не тем, что показывает, будто ветер есть состояние воздуха, а тем, что показывает, что претерпевшее не может

быть родом своего состояния, поскольку подлежащее состоянию остается численно тем же, даже когда состояния уже нет; ибо воздух остается численно тем же, хотя возникший в нем ветер уничтожился; ибо претерпевшее не уничтожается вместе с состоянием.

Сказав же, что ветер вообще не есть воздух, он в качестве причины добавляет: ибо тогда ветер был бы и при неподвижном воздухе, если бы тот же самый воздух оставался, каким был при ветре.

Такое можно предположить, поскольку роды не существуют сами по себе где-либо, ни как чистые понятия без существования, подобно кентавру, но их существование – в тех вещах, о которых они сказываются, и, будучи связанными с теми, в чем они существуют, и уничтожаясь, они необходимо уничтожаются вместе с тем, что в них есть рода.

Например, одушевленная чувствующая сущность в Александре уничтожается, когда уничтожается Александр сегодня; если же так, то, если все, что под родом, уничтожится, то и род перестанет быть чем-либо.

Вообще же это уничтожается вместе с тем, чему оно случилось быть родом, если все под ним уничтожилось; как род же оно уничтожается, если сохранится лишь одно – численно или по виду – из того, что под ним.

Ибо животное есть род не потому, что оно есть одушевленная чувствующая сущность, но потому, что такая природа есть во многих, различающихся по виду; если же все они будут уничтожены, а сохранится лишь одно, то уже не будет родом одушевленная чувствующая сущность, то есть животное.

Поскольку это так, то, пока данный род сохраняется не только по сущности, но и по тому, что сказывается о многих, то есть находится во многих, необходимо, чтобы сохранялось и все, в чем он есть.

Ибо если сохраняется одушевленная чувствующая сущность в разумном, то необходимо, чтобы и разумное животное существовало; ибо, если уничтожить разумное животное, необходимо уничтожится и животное в нем; подобно, если сохраняется то, что в Александре, то необходимо, чтобы и Александр существовал.

Поскольку это так, то, если данный род чего-либо уничтожается при уничтожении того, чьим родом он был признан, сам оставаясь численно тем же и ничто из него не уничтожаясь вместе с уничтожением вида, то он не был бы родом того, чьим родом его признали, но, как он говорит, неким сопутствующим и состоянием.

Если, следовательно, воздух остается тем же не только по сущности, но и численно, и по величине, и уже не движется, то есть ветра нет, то он не был бы родом ветра; ибо, уничтожаясь вместе с ветром, уничтожился бы и воздух в нем, подобно тому как и человеку – животное в нем.

Если же при уничтожении того, в чем род, уничтожается и то, что в нем есть рода, то ясно, что и при сохранении того, что в нем есть рода, сохранялось бы и оно само; и воздуха, следовательно, при сохранении численно того же, что есть в ветре, сохранялся бы и ветер.

Таким образом, и при неподвижном воздухе ветер сохранялся бы.

Однако движение в ветре уже не сохраняется при уничтожении ветра; потому разумнее поместить ветер в род движения, чем в род воздуха.

То же рассуждение применимо и к волне и воде; ибо и в том случае вода, находящаяся в волне, сохраняется при уничтожении волны; так что вода не есть род волны.

Поэтому и воздух не есть подлежащее голоса, поскольку он сохраняется и при уничтожении голоса.

Сказав и кратко показав это (ибо не было времени для подробного разбора этого), он добавляет еще некое рассуждение, ведущее к тому же.

Ибо если и в случае ветра следует согласиться, что он есть движущийся воздух, а не скорее движение воздуха, поскольку в обычном словоупотреблении признается, что ветер есть

воздух, и кажется, что воздух сказывается о ветре (ибо он был бы истинным, хотя родом ветра воздух не был бы по сказанным причинам, но ничто не мешает сказываться о нем воздуху), то не во всех подобных случаях признанных родов следует это допускать тем, кто помещает состояние в род претерпевшего, но лишь в тех, где данный род, взятый просто и сам по себе, может быть истинным и сказываться о данном виде без лежащего в его основе состояния.

Ибо род истинно сказывается о виде, поскольку он входит в его определение; если же нечто, сказанное с различиями как определение, истинно сказывается о данном виде, но само данное как род, взятое без различий, уже не истинно сказывается о нем, то оно и не было бы его родом.

Так будет показано, что и вода не есть род снега, как полагают те, кто говорит, что снег есть замерзшая вода, ни земля – род грязи, как утверждают те, кто говорит, что грязь есть земля, смешанная с влагой; ибо ни о снеге просто вода не сказывается истинно (ибо снег не есть вода), ни о грязи – земля; ибо грязь не есть земля, как лошадь есть животное.

Опровергается и сказанное Эмпедоклом о вине, что оно есть вода, сгнившая в дереве; ибо вино не есть вода, в которой он, как в роде, поместил его, так определив.

стр. 127a20 Далее, если данное вообще не есть род чего-либо, то ясно, что и сказанного.

Поскольку род есть род чего-либо, если нечто, данное как род, вообще не есть род, то оно не было бы и родом того, чьим родом его признали; таковы неделимые виды.

Как же возможно узнать, что нечто не может быть родом, он сам учит.

Ибо если все, причастные данному как роду и принимающие его определение, не различаются между собой по виду, то это не может быть родом.

Например, причастные животному и принимающие его определение различаются по виду; потому животное есть род; подобно и птицы, и цвета, и вообще все роды.

Но причастные человеку не различаются по виду между собой, ни причастные птице, ни лошади, ни белому; потому они не могут быть родами.

Если же кто-либо признает родом чего-либо такое, то ясно, что мы опровергнем это, используя это место.

Ибо не есть различия белого, как некоторые говорят, одушевленное и неодушевленное, но лишь побеленных, например снега, если так случится, и лебедя.

Ибо теми же различиями может отличаться и черное, как смола и ворон; но невозможно, чтобы у противоположностей были те же различия.

Ни если кто-либо назовет человеком род благого и дурного, или обезьяны и тропы, или мужчины и женщины; ибо все они неразличимы по виду; ибо ничто из сказанного не указывает на различие человека и того, что есть человек, но лишь на некоторые случайные свойства, сопутствующие и состояния.

Надо же понимать белое не как омоним, но как цвет.

стр. 127a26 Снова, если он назвал родом или различием то, что следует за всем.

Если кто-либо назовет родом чего-либо то, что следует за всем, на том основании, что оно ему следует, то он дает неверное определение; ибо не потому, что род следует тому, чьим родом он является, как животное – человеку, цвет – белому, количество – линии, уже и следующее за чем-то есть род их всех.

Если же кто-либо называет родом или различием то, что следует за всем, то он говорит неверно.

Поскольку многое следует за всем, то данное как род было бы родом и других следующих за всем, поскольку и им оно следует и сказывается о них подобно.

Например, тот, кто назвал сущее родом сущего чего-либо, на том основании, что оно ему следует, мог бы назвать его родом и единого; ибо и оно есть сущее, и сущее сказывается о нем; но и оно само есть одно из следующего за всем сущим; следовательно, в равной мере родом было бы и вид.

К тому же род сказывается не ни о чем, но лишь о видах, следует добавить «соименно».

Или же, что род сказывается не ни о чем, но лишь о видах, сказано как следующее за теми, кто называет родом то, что следует за некоторыми, сущее сказывается о предполагаемом роде, и как уже сказывающееся о их видах; так и сущее было бы видом единого.

Само же оно сказывалось бы, если бы было некоторое определение его.

Следует добавить, что и единое было бы родом сущего, если бы кто-либо вновь назвал его родом всего на том основании, что оно следует за всем; ибо оно сказывалось бы и о нем, и было бы его родом; так что одно и то же было бы и его видом, и родом.

Если же кто-либо назвал различием рода то, что следует за всем, например единое или сущее, если кто-либо положил бы их различием чего-либо, то ему случилось бы вновь либо называть род и различие в равной мере, либо называть различие в большей мере.

В равной мере, если и род, чье такое различие он дал, был бы из следующего за всем; например, если кто-либо назвал бы сущее родом, а единое – различием сущего, как разделяемого единым и множеством (ибо и множество есть нечто сущее), то он сделал бы различие равным.

Снова, если род не был бы из следующего за всем, то различие было бы в большей мере, будучи из следующего за всем сущим.

Так будет показано, что и нечто, будучи сущим, не есть род всего; ибо оно было бы и родом единого, либо равным ему, либо в большей мере, если единое сказывается и о понятии, а нечто – лишь о телах и бестелесных, а понятие, по утверждающим это, не есть ни то, ни другое.

Так ошибался бы тот, кто назвал различием сущего мыслимое; ибо мыслимое шире сущего, если мыслимо и не-сущее.

р. 127b1 Кроме того, если род, приписываемый виду, говорится как находящийся в подлежащем.

Что роды сказываются о видах как о подлежащих, но не находятся в них как в подлежащих, это очевидно. Поэтому если кто-то приписывает чему-то род, который в нём самом находится в подлежащем, то ясно, что мы опровергнем это, воспользовавшись вышесказанным. Мы покажем через то, что он находится в подлежащем, устраняя род из-за применимости к нему определения находящегося в подлежащем. Таким образом, будет доказано, что белое не есть род снега (ибо оно находится в нём как в подлежащем), ни чёрное – род смолы, ни знание или добродетель – род души.

р. 127b5 Следует также исследовать, не является ли род одноименным с видом.

Это более общий [приём], чем предыдущий. Ибо род не только не будет одноименным с видом, если приписанный род находится в подлежащем, которому он был приписан как род, но и наоборот, если кто-то называет подлежащее как род того, что находится в подлежащем. Ведь и в этом случае род не будет одноименным с видом. Но если неоднородность следует за тем, что находится в подлежащем, по отношению к тому, в чём оно находится, то не следует из-за этого считать, что место [аргумента] от находящегося в подлежащем тождественно месту [аргумента] от одноименного. Ибо определение находящегося в подлежащем – одно, а одноименного – другое.

Так, согласно [аргументу] от находящегося в подлежащем, опровергается [утверждение], что качество есть неким образом расположенный дух или неким образом расположенная материя. Ибо дух или материя не могут быть родом качества, поскольку качество находится в них как в подлежащем. Но и тот, кто говорит, что хромота есть неким образом расположенная рука, ошибается. Ибо хромота – не рука, но находится в руке как в подлежащем. Об этом уже было сказано в скрытом виде в [разделе] «И тот, кто полагает страдание в претерпевающем как род».

А согласно [аргументу] от неоднородности, можно показать, что сущее не есть род существующего. Ибо «сущее» и «существующее» сказываются омонимично. Ведь если

«сущее» и «существующее» одинаково относятся к сущности, к отношению или к другим родам, то из этого ещё не следует, что они находятся в подлежащем. Подобным же образом ничто из того, что сказывается омонимично, не сказывается одноименно ни об одном из того, что под ним.

р. 127b8 Далее, когда у вида и у рода есть противоположности, а лучшее из противоположностей помещено в худший род.

Место [аргумента] таково: если у приписываемого вида и у приписываемого ему рода есть некоторые противоположности, и поскольку у противоположностей одно лучше, а другое хуже, то следует исследовать, не помещено ли лучшее из противоположностей в род худшего из противоположностей. Ибо тогда оставшееся худшее должно быть в роде лучшего, поскольку предполагается, что противоположное находится в противоположном. Таким образом, лучшее будет родом худшего, а худшее – родом лучшего. Но считается, что виды, подчинённые лучшим родам, лучше тех, что подчинены худшим. Ведь то, что под добродетелью, лучше того, что под пороком.

Так, если кто-то назовёт несправедливость добродетелью, то он вынужден будет назвать справедливость пороком, как Трасимах у Платона, который, полагая несправедливость благоразумием, был вынужден называть справедливость неразумием. И если праздность предпочтительна, то труд – избегаем, а если удовольствие – зло, то страдание – благо.

р. 127b13 И если у одного и того же вида, одинаково относящегося к обоим, он поместил [его] в худший, а не в лучший род.

Далее, если один и тот же вид одинаково относится к двум [вещам], из которых одна хуже, а другая лучше, то он может быть помещён в каждом из них как в роде, но разумнее поместить его скорее в лучшем, чем в худшем. Например, хотя медицина может производить и здоровье, и болезнь, мы не называем её производящей болезнь, если она не больше [производит] болезнь, чем здоровье, но скорее здоровье. Ибо всё, что может быть в лучшем, таково по своей природе. Поэтому и способности суть блага.

Так, если душа одинаково относится и к движению, и к покою (ибо она причина обоих для живого существа: как живые существа движутся благодаря душе, так и останавливаются), и если покой лучше движения (ибо движение, где есть и покой, существует ради покоя, и цель движения – остановиться; естественные движения тел имеют своей целью пребывание в собственных местах; кроме того, неподвижные сущности лучше; и для учащегося цель – научиться и остановиться на этом), то если это так, то неправильно те, кто помещает душу в род движения. А тот, кто сказал, что она есть само движение или движимое, через «само движение» показал, что её род – движение, как те, кто называет её самодвижущимся движением.

р. 127b18 Далее, от большего и меньшего.

Подобно тому как ранее, когда речь шла о случайном, были приведены некоторые места – просто и сравнительно, – как конструктивные, так и деструктивные, от большего и меньшего и от подобного, так и в случае рода показываются некоторые конструктивные и деструктивные места от большего и меньшего: два деструктивных и один конструктивный.

Ибо, как общи места от падежей, рядов, возникновений, уничтожений и противоположностей, так и эти, которые мы передаём.

Первый деструктивный [аргумент] от большего и меньшего таков: если приписанный род допускает большее и меньшее, а вид – ни сам, ни то, что говорится согласно с ним, то приписанное не есть род. Ибо если род допускает большее и меньшее, то и они сами, и то, что говорится согласно с ними, то есть их производные, также допускают [это]. Например, если добродетель [допускает] большее и меньшее, то и справедливость, и справедливый, говоримый согласно с ней. И наоборот, если то, что приписано как вид, допускает [большее и меньшее], а то, что приписано как род, не допускает, то приписанное не будет родом.

Таким образом можно показать, что беспокойство не есть род равенства, как говорят определяющие его: равенство противоположных рассуждений. Ибо беспокойство допускает большее и меньшее – как само, так и то, что говорится согласно с ним (а это – беспокоящиеся), а равенство – ни само, ни равные. Ведь не бывает чего-то более или менее равного.

Опять же, снег не допускает большего и меньшего, а белизна допускает. Следовательно, белое не есть род снега. Но и гармония [допускает] большее и меньшее, а душа нет. Следовательно, гармония не есть род души.

р. 127b26 Далее, если то, что кажется более [подходящим] или одинаково [подходящим], не есть род.

Это второй деструктивный аргумент от большего. Он же – и от подобного. Если из двух [вещей], кажущихся родами [чего-то], то, что кажется более [подходящим] быть его родом, не есть [род], то и то, что кажется менее [подходящим], не будет [родом]. И равно [подобное].

Он говорит, что этот аргумент полезен в тех случаях, когда несколько [вещей] сказываются о сущности одного и того же, но у нас нет согласия, какое из них род. Например, о гневе сказывается в сущности и страдание, и представление. Ибо гнев иногда называется страданием, иногда – представлением.

Поскольку, таким образом, оба сказываются о гневе, но неясно, какое из них род, следует взять то, что кажется более родом, и показать, что это не так. Ибо если не оно, то и оставшееся, менее [подходящее], не будет родом.

Так, если страдание, кажущееся более родом гнева, не есть [род], как было показано ранее, то и представление не будет его родом. Но если оба кажутся одинаково его родами, и если одно будет показано как не род, то и другое, кажущееся подобным ему, не будет [родом].

Таким образом, как сказано, от большего мы покажем, что время не есть в роде числа. Ибо если время больше есть движение, чем число (ибо общепризнано, что непрерывного род – скорее непрерывное), но время не есть движение (ибо всякое движение есть движение чего-то и по отношению к чему-то, а время не по отношению к чему-то).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.